

ЕНИСЕЙСКИЕ НЕМЦЫ

Семейные истории

ЕНИСЕЙСКИЕ НЕМЦЫ

Семейные истории

Красноярск 2018

ББК 84

М 74

Моисеева И.

М 74 Енисейские немцы. Семейные истории. – Красноярск:
2018. – 180 стр.

ISBN 978-5-6040398-9-2

© Моисеева И., 2018

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

«Город Енисейск был основан казаками в 1619 году по повелению царя Михаила Федоровича. Уже с середины XVII века, когда начался старообрядческий раскол, Сибирь становится местом ссылки раскольников. В Енисейске было даже тюремное отделение для преступниц в женском монастыре, где сидели за чернокнижничество. В застенках его совершались пытки и казни. По преданию, за связь с нечистой силой здесь сожгли несколько человек. В женском монастыре содержались и знатные ссыльные, одна из них – Прасковья Салтыкова, будущая жена царя Иоанна Алексеевича. Провёл зиму в енисейской тюрьме и Протопоп Аввакум», – так или примерно так мы бы начали свою экскурсию по «Енисейску ссыльному».

Но у нас с вами, читатель, свой маршрут. Двадцатый век. Богатый век, щедрый на импульсы для развития Сибири, и в частности Енисейска. Одним из таких «импульсов» для Сибири всегда была ссылка. Парадоксально, но чужое несчастье всегда было двигателем прогресса сибирской жизни: ссыльные носители высокой культуры и научного знания продолжали заниматься своим делом даже в изгнании и развивали местную инфраструктуру.

Какие «враги народа» жили в нашем городе в XX веке! Философ Г. Шпет, создатель первых легковых автомобилей К. Шарاپов, пианист А. Швацбург, кинорежиссер Н. Эрдман, профессор С. Дубровский, соратник Л. Ландау и физик с мировым именем Ю. Румер, конструктор сверхмалых подводных лодок В. Бжезинский, автор «Наследника из Калькутты» Р. Штильмарк... Невероятно, но в одно и то же время ходили по улицам Енисейска две женщины – гражданская жена А. Колчака (А. Книпер-Тимирева) и жена С. Будённого (О. Михайлова)...

Если бы только камни могли говорить, они бы рассказали о сотнях, тысячах безвестных героев своего времени, пес-

чинках истории. Но это их истории жизни легли в фундамент большой истории большой страны. И сегодня некоторые из них оживут на страницах нашей книги.

Документальный проект «Енисейские немцы. Семейные истории» представляет собой сборник интервью поволжских немцев, депортированных в начале войны в Красноярский край. В сборник вошло 40 интервью. Это ничтожно мало относительно общего количества прибывших в Красноярский край – 77 359 человек!

В самом названии книги – отсыл к географии проживания наших респондентов. Здесь помещены интервью, записанные у жителей сел Енисейского района: Ярцево, Усть-Кемь, Потапово, Новокаргино, Подтесово, г. Енисейска. Эшелонные списки, хранящиеся в архиве г. Енисейска, сообщают точную численность прибывших – 967 человек (из 970 выехавших). В основном, это были жители Каменского, Сельманского, Хволынского районов, сс. Фаерское, Гримм, Каменка, Сельман, гг. Саратов, Энгельс, Хволыnsk.

Кроме того, Енисей стал объединяющим началом для всех немцев, депортированных на север Красноярского края, куда они добирались от Красноярска по реке на «Марии Ульяновой», «Иосифе Сталине» и жили, работали вблизи неё. Так, в сборник вошли интервью жителей сел Казачинского района: Момотово, Галанино, Дудовки, Мокрушинского, Вороковки, Матвеевки, Рождественского. Также в сборник вошло несколько интервью украинских немцев, так называемых «фольксдойче».

Книга «Енисейские немцы. Семейные истории» – своеобразная панорамная фотография того времени. Честные рассказы от первого лица опубликованы с минимальной редактурой. В представленных историях нашли отражение разные стороны жизни наших интервьюеров: жизнь до депортации, механизм переселения, трудовое использование,

правовое положение, взаимоотношения с местным населением, повседневная жизнь, бытовые детали этнического самоопределения и пр.

Локальная история, личная история, семейные истории – всё это категории субъективные. А исторические труды, учебники разве не субъективны по своей природе, разве не зависимы от взглядов и мнения исследователя, государственного заказа, политической конъюнктуры? Локальная история даёт прекрасную возможность собственного прочтения большой истории без купюр, возможность совершения собственных открытий.

Авторский коллектив, а это студенты разных отделений Енисейского педагогического колледжа разных выпусков, делятся с вами собственным познанием большой истории через человеческие судьбы.

Представленные интервью записаны в ходе работы в фольклорно-историко-этнографических экспедициях по г. Енисейску, Енисейскому и Казачинскому районам.

С уважением, И. Моисеева, руководитель проекта

Авторский коллектив:

Студенты исторического отделения: Алексеенко Любовь, Алисейко Светлана, Гимранова Вероника, Дворников Вячеслав, Кацупий Татьяна, Козлова Елена, Колесов Павел, Коротких Татьяна, Кочнёва Ксения, Ларионова Елена, Мишутина Елена, Пономарева Галина, Помолотова Оксана, Полысалова Кристина, Тархова Анна, Шангараева Любовь, Эпова Наталья, Якутина Ольга.

Студенты отделения педагогики дополнительного образования: Береснева Екатерина, Килин Сергей, Лучкина Татьяна, Цуров Николай.

Студенты художественно-графического отделения: Ахмадеева Алсу, Джиеова Татьяна, Фомина Кристина, Шуби-

на Мария, Ускова Анастасия.

Студенты отделения преподавания в начальных классах: Басангова Дарья, Власова Екатерина, Герасимова Екатерина, Давыдова Анастасия, Ефремова Татьяна, Каленчук Юлия, Милевская Татьяна, Самойлова Дарья, Тырин Александр.

Студентка дошкольного отделения: Бондаренко Дарья.

Студенты отделения иностранных языков: Пономарева Елена, Василихина Татьяна, Саранова Ирина, Пичуева Мария.

Студенты отделения прикладной информатики: Плиговка Александра.

Галузина Юлия, ученица 9 «Б» класса МБОУ «Верхнепашинская СОШ №2».

*Авторский коллектив выражает благодарность
Елисову Алексею Владимировичу за помощь в реализации проекта.*

Уважаемые читатели!

Если вы захотите связаться с авторами книги, высказать свое мнение об «Енисейских немцах», поделиться воспоминаниями (!), воспользуйтесь электронной почтой **irmoiseeva2013@mail.ru**.

«Почтой России» вы можете отправить письмо по адресу: **663180, Красноярский край, г. Енисейск, ул. Ленина, 2. «Енисейский педагогический колледж».**

СООБЩЕНИЕ АБИХ ЭММЫ ФИЛИППОВНЫ

Эмма Филипповна Абих родилась 23.09.1927 в с. Гримм Саратовской области в семье Абиха Филиппа (1907–1964 гг.) и Кайзер Маргариты (1905–1942 гг.). Родители трудились в колхозе, растили детей. В 1933 г. пережили страшный голод. Смысл фразы «голодающий Поволжья» для них буквален. Вот почему, наверное, в беседе с нами Эмма Филипповна сказала: «Я теперь рада, что нас переселили, ведь на Волге мы жили хуже и неизвестно, что бы с нами было, если бы мы не переехали».

В 1941 году вся семья была депортирована в с. Малобелое Енисейского района. Толком собраться в дальнюю дорогу не успели. Взяли сало, железный сундук с вещами, на дно которого положили плитку с печки, чтобы сложить заново на

новом месте. Пилу, топор, лопату. Но никто им не объяснил-зачем, куда, надолго ли?

На машинах ЗИС-5, на лошадях они ехали до Волги, потом до Саратова их везли на деревянной барже (лихтере). До Красноярска – в «телячьих» вагонах, и снова на барже – до Енисейска. Оттуда уже пешком, ребяташек, вещи – на телегу.

Жизнь в Малобелой

«Поначалу было всяко: где кто и фашистом назовет, и косо посмотрит... Да и их в какой-то мере можно было понять: ни с того ни с сего принимай постояльцев, делись последним. А кто мы им? Чужие! Немцы! А ведь с такими же, только другими, но тоже немцами, воевали на фронте их отцы, мужья, сыновья».

Постепенно жизнь стала налаживаться. Люди стали относиться доброжелательно, помогать по мере возможностей. Немцы очень хорошо шили, ткали, вязали, пряли, т.е. всё, что связано с рукоделием, у них получалось. Мать Эммы Филипповны была в этом смысле мастерицей. Часто помогала соседям. И соседи, в свою очередь, тоже не отказывали в помощи, часто обменивались. Например, однажды мама Эммы Филипповны поменяла большие пуховые подушки на ведро картошки, при этом делила подушки на три части. И здесь жизнь была голодной. Люди собирали прошлогоднюю картошку с полей, делали из неё лепешки и жарили их в печи.

Но немцы ещё очень хорошо готовили различные блюда, а вот стряпать так хорошо, как в Сибири, не умели. Вот и тут происходил обмен. Немецкие женщины научили местных многим блюдам, а те в свою очередь – стряпать шаньги, пироги всякие. Маргарита Яковлевна, например, стала печь хлеб совершенно по-другому. Раньше она просто ждала, пока поднимется тесто, потом делала из него шар и выпека-

ла в русской печи. А теперь она выпекала хлеб в различных деревянных формах, делала узоры.

Приходилось приспосабливаться и к языку. Поначалу они не знали русского языка и между собой общались на немецком, что местным жителям очень не нравилось. То и дело были слышны фразы: «Что вы там хохочете?»

Поначалу трудно было очень с жильём – жили в страшной тесноте в одном доме три семьи – девятнадцать человек! Но вскоре отец нашел маленький домик с железной печкой. Домик подлатали и переехали.

Кажется, начала потихоньку жизнь налаживаться. Да вот беда: отца и брата забрали в трудармию. Муж Эммы Филипповны сказал: «Трудовые армии хуже концлагеря были. Это кошмар». Семья осталась без мужских рук. А чуть позже, после того как отца забрали в трудармию, мать родила маленького Яшу. Но через два месяца случилось еще одно горе – умерла мама.

СМЕРТЬ МАМЫ

У Маргариты Яковлевны на шее вскочил прыщик. Думали, что это чирей. Она его выдавила и застудила. Пошло воспаление и заражение крови. В конечном итоге опухоль на горле стала такой большой, что Маргарита Яковлевна задохнулась. Всё это произошло буквально за три дня. Когда позже приехал отец, он сказал: «Что же вы её не вылечили? Нужно было просто приложить лист табака, он бы вытянул всю заразу». Это было самым большим горем в жизни Эммы Филипповны. Все три дня она провела около мамы.

И вот они остались вчетвером. Четырнадцатилетняя Эмма была самой старшей, двухмесячный Яков – самым младшим. Так как матери не было, колхоз выделил им молоко.

А еще и в школу ходить надо было. Поначалу немецкие дети в школе ничего не понимали, потому что обучение шло

на русском языке. Учительница рассказывала Эмме: «Урок закончится, а я сижу и думаю: чему их можно научить? Ведь они по-русски ничего не понимают. Выхожу в коридор, смотрю – русские дети отдельно, немецкие отдельно. Прошло время, и они были все вместе!» И немудрено: ведь до школы, которая находилась в п. Елань, нужно было идти 7 км, переплывать р. Кемь. Делать нечего, так и ходили в школу. И совсем скоро закончили 7 классов. Прошло два года с тех пор как родился Яша. Были голодные годы. Эмма зимой работала на лесоповале. Дома было холодно. Однажды, когда Эмма вернулась домой, она обнаружила, что мальчик умер.

«Волчий билет»

Это документ, удостоверяющий личность. Размером 20х20 см. Использовался он вместо паспорта. Имел кофейный цвет. На работу с таким документом не брали – к людям с таким паспортом всегда относились с подозрением: он означал ограничения в правах. В 1956 году, когда немцев сняли со спецпоселения, комендант привёз такие документы. Нормальные паспорта они получили только в 1967 году.

Комендант

Отмечаться надо было раз в месяц. Эмма Филипповна рассказывала о том, что комендант был очень добрый и понимающий человек. Из-за очень большой нагрузки он оставлял в каждом селе старосту. В Малобелой старостой был отец Эммы. Она видела несколько раз, как комендант заходил к ним домой. Он приезжал раз в месяц. Спецпереселенцы ходили раз в месяц в здание сельсовета и расписывались в ведомости. Иногда даже и не ходили. Бывало, встретит кого комендант на улице, отметит у себя, и в сельсовет ходить не надо.

Но однажды коменданта сняли с должности, сняли за доброту и милосердие. Однажды комендант выдал каждому

члену семьи по килограмму хлеба. За это его отстранили от должности.

В 1964 году еще одно горе: умер отец от рака лёгких. Все полностью легло на плечи Эммы. Она работала в колхозе. Ездила на покос. Зимой их отправляли в леспромхоз – там валили лес, рубили сучья. Платили очень мало.

День сегодняшний

Сегодня у Эммы Александровны и Якова Карловича Штоль выросли дети, есть внуки, старшему из которых 33 года. Все они сейчас живут в Германии. Эмма Филипповна и Яков Карлович часто навещают их. В 1997 году подали заявление на переселение в Германию, им пришёл вызов. Они поехали в Германию, сдали свой дом в аренду. Через год квартиранты позвонили в Германию и сказали, что уезжают. Эмме Филипповне и Якову Карловичу пришлось вернуться в Россию.

Эмма Филипповна говорит о том, что общество стало хуже намного. Виновником всего считает перестройку и бессердечность людей. «Война сближает, но не дай бог такое пережить. Перестройка людей разъединила».

с. Усть-Кемь Енисейского района, 2007 г.

СООБЩЕНИЕ АДЛЬФ ЕКАТЕРИНЫ ГЕОРГИЕВНЫ

Екатерина Георгиевна Адольф родилась 1 октября 1927 года. До депортации жила в Саратовской области в с. Пауэр. Семья состояла из 8 человек (2 взрослых, 6 детей – 3 сестры, 3 брата). Родители обрабатывали небольшой земельный участок и держали хозяйство: трех коров, свиней, кур.

Настал день, когда местная газета написала о страшном известии. Все сельское население в обязательном порядке должно было, взяв самое необходимое, срочно покинуть родные места. Взять удалось немного: старинную тётушкину прялку, детскую вышивку, еще кое-какие пожитки. И вот семья Адольф вместе со многими другими пауэрскими сельчанами отправилась на барже. Плыли они по реке Волге, оставляя позади родные места. На барже были «нечеловеческие условия» (просто скотские).

Екатерина Георгиевна не помнит, сколько они плыли. Позже они пересели на поезд в скотские вагоны с двухэтажными нарами. Через некоторое время они оказались в Курагинском

районе в д. Норта. По словам Екатерины Григорьевны, люди там были просто замечательные, их встретили с горячей стряпнёй и чашкой супа. Из-за резкой смены климата некоторые из прибывших умирали. Пробыли год в Норте, но их снова сорвали с места и отправили в Колмогорово.

По словам Екатерины Григорьевны, «там жили просто нелюди». Если в Норте они жили в просторных бараках, то, приехав сюда, они под конвоем были загнаны в клуб, в котором размещалось 8 семей. Их временные конвоиры не упускали момента поиздеваться над своими заключенными: их били палками, скидывали с моста в воду, морили голодом. В общем, жизнь была очень тяжелая.

Как-то просматривая перекопанные огороды с целью найти что-то съестное, они наравались на очень злого человека, который избил одну из подруг Екатерины Григорьевны, оставив на всю жизнь инвалидом.

Последние вещи, которые они привезли из Поволжья, поменяли на картофельные очистки и прочие остатки пищи. Прожили в Колмогорово год, а затем их на больших лодках отправили в Фомку, где Екатерина Григорьевна работала в совхозе. Жили они в бараке, находившемся в трёх километрах от Фомки. И каждый день Екатерина Григорьевна ходила пешком до работы. Всем работникам выдавали по 500 граммов хлеба, а иждивенцам – по 200 граммов.

После войны в семье Адольф появилось своё небольшое хозяйство. Екатерина Григорьевна удивляется, как в таких нечеловеческих условиях она смогла выжить. Она часто вспоминает их коменданта по фамилии Цимбалов, к которому она была обязана ходить отмечаться каждую неделю во время войны. Когда закончилась война, многим из них предложили вернуться на свою историческую Родину. Перед людьми встал сложный выбор – вернуться или окончательно осесть здесь. Они остались.

с. Ярцево Енисейского района, 2004 г.

Дети спецпоселенцев, с. Ярцево

Музыкальный кружок, с. Ярцево

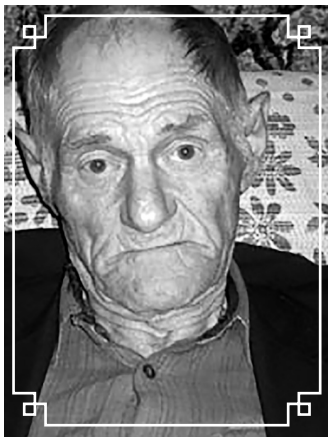

Семьи ссыльных, с. Ярцево

*Фотографии предоставлены
Красноярским историко-правозащитным обществом
«Мемориал»*

<http://www.memorial.krsk.ru/>

СООБЩЕНИЕ АРНДТА ФЕДОРА ДАВИДОВИЧА

Арндт Федор Давидович родился в 1926 г. в селе Гнаденфельд Экгеймского района Саратовской области. Родители, Мария Ивановна и Давид Филиппович, работали в колхозе.

Фёдор Давидович окончил 4 класса, так как надо было работать, помогать родителям содержать семью. Семья из 9 человек жила в четырёхкомнатном доме, стены которого были отделаны кирпичами из битой глины, а крыша была деревянной.

В 1929 году бабушку и дедушку раскулачили, забрали скотину (две коровы и четыре лошади). Вещи оставили, а дедушку и бабушку увезли в разные стороны.

Во время голода 1933 года ели мясо сусликов. Его сначала варили, а после жарили. Жир же использовали для лечения

больных людей. А шкурки сдавали специальному человеку из колхоза. За шкурку платили один рубль.

Колхоз был большой, сеяли хлеб и табак. Всего в селе было два колхоза, шесть бригад, были и фермы. Бригады были только полеводческие. Свой огород был маленьким. Там сажали одно ведро картошки, арбузы, тыквы.

В последних числах августа 1941 года объявили о переселении, дали три дня на сборы. Всем был объявлен указ от 28 августа о вынужденном переселении немцев Поволжья. С собой брали и продукты (жареные котлеты, муку, крупу), и вещи, и инструменты.

До поезда ехали на телеге, после – на поезде, в скотском вагоне, на полу лежало сено. Туалета не было. Не было места для сидения. Всю дорогу людей не кормили, почти месяц.

В Красноярск прибыли вечером. Два дня плыли на барже до Галанино. Утром приплыли к острову в Галанино. Туда подъезжали «покупатели». Председатель, «купивший» семью Арндтов, «приобрёл» еще 9 семей. Сам он был из Водорезово.

Их поселили у бабушки (баба Оля). И до нового года все они жили в одной комнате (девять человек). Отец вскоре женился на женщине чувашской национальности. Мария Ивановна, его жена, умерла еще в Поволжье.

Вскоре Арндту с семьёй дали небольшой дом. Старшего брата Федора Давидовича забрали в трудармию, а потом и отца.

Отношение односельчан к вынужденным переселенцам было хорошим. Председатель колхоза Кирьян Нестерович Рипников очень помогал. Конечно, приходилось трудно из-за незнания языка. Общались «на пальцах», жестами.

За работу в колхозе давали молоко, хлеб, эти продукты можно было и купить, когда были деньги. Некоторые про-

давали свои вещи или меняли их на продукты. На второй год по справке об изъятом имуществе дали корову, полмешка пшеницы.

В 47–48 гг. Федор Давидович по вербовке работал на станции Решоты, затем переехал в Момотово, женился. На Родину (на Волгу) больше не ездил, но им рассказывали, что дом стоит до сих пор. В 1956 г. Федора Давидовича сняли со спецпоселения.

Всё происходящее он оценивает не как наказание, а как вынужденную меру. Он говорит: «Мы были дети и просто ехали за родителями, куда они, туда и мы... Значит, так нужно было в то время».

с. Момотово Казачинского района, 2009 г.

СООБЩЕНИЕ БУЛАХ МАРИИ СЕМЁНОВНЫ

Булах Мария Семеновна родилась 30 ноября 1938 года на Украине, в Одесской области, в Разделянском районе, селе Кандель, что подтверждается свидетельством о рождении, выданном ее родителями: Булах Семену Михайловичу и Булах Юлиане Леоновне в селе Кандель Кандельским сельским ЗАГСом Зельцкого района 19 декабря 1938-го года. Сохранилось в семейном архиве и свидетельство о браке, выданное ее родителями 3 октября 1936 года.

Всего в семье Булах было 5 детей. Как старшей, ей и был передан от мамы, Юлианы Леоновны, а маме – от бабушки, Екатерины Христиановны, маленький семейный молитвенник – катехизис. В селе была кирка (католический храм), и все местное население по воскресеньям, отложив заботы о хлебе насущном, обращалось к Богу, черпая в молитвах

душевные силы. Именно поэтому из поколения в поколение передавался в семье молитвенник. Детей воспитывали в строгости и вере.

Среди населения были только немцы, поэтому говорили, в основном, на немецком языке. Жизнь в селе Кандель была насыщена немецкими традициями и обычаями. Село было богатое, люди трудолюбивые. Жили – не тужили. Строили планы на будущее. В селе было 12 кузнецов, 3 маслодавильни. Одним из 12 кузнецов был дедушка Марии Леон Прокопьевич. Семья дедушки проживала отдельно, но отношения с молодыми поддерживала самые крепкие, что и помогало выдержать не только сложное довоенное время, когда колхозы распускались и колхозное имущество раздавалось в частные руки. Сплоченность семьи и наличие домашнего хозяйства обеспечивали семье Булах безбедное существование даже в тяжелые военные годы. Мама Марии, Юлиана Леоновна, с утра до вечера работала в колхозе. Отец, Семен Михайлович, занимался рыбным промыслом. Дом в детских воспоминаниях остался большим, крепким и светлым. Помнит, что все всегда были заняты делом. Земля была своя. Лошади, коровы, свиньи, домашняя птица – все было. Сыр, масло, колбаса – все делали сами. Семья жила в достатке... пока беда не случилась. И пришла она, по воспоминаниям Марии Семеновны, не с началом Великой Отечественной войны, а в сорок четвертом, когда немцы отступали. 19 марта 1944 года... – этот день навсегда останется в памяти Марии Семеновны.

5 лет ей было, когда «погнали» их, как все вокруг говорили, домой, на историческую Родину, в Германию. Родное село за давностью лет стерлось из памяти, а вот товарные вагоны, стук колес, постоянные бомбежки остались в памяти навсегда. Помнит, как горели вагоны. Как останавливался состав, и горящие вагоны от него отсоединяли. Людей в вагонах, приспособленных для перевозки скота, становилось

все больше. Так добрались до Польши. В Польше оставались с мая 1944 по январь 1945 года. Тут и умерла от дифтерии младшая сестра Марии Роза. В январе 1945 добрались до Германии. Семья Булах была определена к фермерам. Родители работали с утра до ночи в поле, дети, а к тому времени их осталось с матерью двое, Мария и Екатерина, были предоставлены сами себе. За давностью лет воспоминания о коротком проживании в Германии стерлись, в памяти осталась кукла, которую хозяева подарили детям заброшенной к ним судьбой семьи. Правда, играть с ней довелось недолго. России нужны были рабочие руки. В августе этого же года «немцы поневоле» были репортированы, отправлены на спецпоселение в Бабаевский район Вологодской области.

И опять товарные вагоны, только в обратную сторону, в Россию. Дорога назад осталась в памяти чуть ярче. Бомбежки уже не было. Никто не говорил, что едут домой. Этого не было даже в мыслях. В воздухе повисло слово «репортация». Голод был страшный. По дороге все вещи, что были, променяла мама на еду для двух дочек. Куклу тоже пришлось продать.

Сначала привезли в Вытегорский район Вологодской области. Там, очевидно, был пересылочный пункт. Землянки нарыли, и в них ютились. В ноябре 1945 года переселенцев привезли в Бабаевский район Вологодской области. На окраине села им был выделен отдельный дом для немцев, вокруг лес. Отовсюду немцев свезли: с Запорожья, с Одессы, с Житомира.

Семья Булах, как и все, ютилась в тесной комнатке, отделенной от прочих только тряпкой в виде ширмы. Спали на полу, матрасы были набиты соломой. Кормились картошкой, брюквой. Летом собирали грибы, ягоды. Когда совсем было нечего есть, ходили по деревням, «клянчили». Весной собирали гнилую картошку на полях, пекли лепешки и ели. Мама работала на Дубровском лесоучастке погрузчицей леса, ей

давали рабочий паек: 200 граммов хлеба в сутки. На поле работали от мала до велика. Веников одних надо было по 500 штук на душу заготовить за сезон. Здесь Мария с сестрой пошли в школу, которая находилась в селе Слудно, 5 километров утром в школу, 5 километров – вечером домой. Так за знаниями ходили – и рады были. На родном немецком языке говорить боялись, научились говорить на русском.

Мама раз в месяц ездила отмечаться в спецкомендатуру за 35 километров от поселения – ничего. Жаловаться было некому и не на кого. Да и не могли себе позволить спецпереселенцы жаловаться. А детям и в голову это не приходило. Жили – и все. По январь 1959 жили. Сюда же отец, Булах Семен Михайлович, вернулся с трудового лагеря. Здесь родился брат Михаил и еще одна сестренка Надежда. Недолго она прожила – умерла, как только 9 месяцев исполнилось. Шли годы. Спецпереселенцы привыкли уже, что их судьбой распоряжаются. За них решают. От них ничего не зависит. Что будет завтра, никто не знал. Об этом старались не думать.

2 ноября 1956 года семью Булах реабилитировали. Об этом свидетельствуют сохранившиеся в семейном архиве справки о реабилитации.

Потихоньку стали искать близких родственников. Оказалось что брат отца, Рудольф и его семья, были на спецпоселении в городе Енисейске, стали поддерживать связь. Когда в 1959-м году Дубровский лесоучасток закрыли, решили поехать в Енисейск. Рудольф помог с жильем, некоторое время жили вместе, устроились на работу. Так и обосновались семьи Булах в Енисейске. Началась нормальная трудовая жизнь. Прошрое осталось в прошлом. Нижнеенисейской сплавной конторе нужны были рабочие руки, а работать Булах умели. Умели работать и умели с благодарностью встречать то, что посылает судьба.

с. Верхнепашино Енисейского района, 2017 г.

Булах Юлиана Леоновна с детьми

Семен Михайлович Булах с женой Юлианой Леоновной

С.М. Булах в трудармии

С.М. Булах с семьёй

*С.М. Булах с любимой
собакой*

СООБЩЕНИЕ БУХГАММЕР МАРИИ-ЕКАТЕРИНЫ ФРИДРИХОВНЫ

Бухгаммер Мария-Екатерина Фридриховна родилась 23 октября 1922 г. в д. Собачина Саратовской области. Родители имели большой дом, хозяйство.

Семью Бухгаммер депортировали в 1941 г. Марии Фридриховне было 18 лет. Известие о депортации получили через повестку. На сборы дали одну неделю. Разрешили зарубить скот, собрать вещи. До поезда везли на лошадях и на машинах. По железной дороге ехали 18 суток. Кормили «терпимо», делали специальные остановки для того, чтобы приготовить пищу. На одной из таких остановок у Марии Фридриховны пропал брат. Его забрали «какие-то люди» – конвойные – за то, что он просто хотел взять немного соли. Вместе с депортированными везли мешки с солью, эту соль запрещалось брать. Мария Фридриховна считает, что ее брата приняли за шпиона: «В поезде парни играли в карты. Тому, кто проиграл, частично брили голову – полоской. ...мой брат часто оставался, и ему выбрили голову двумя полосками – крест-накрест... Я до сих пор считаю, что его приняли за шпиона». Мария Фридриховна до сих пор ищет своего брата (искала через телепередачу «Жди меня»). Она уверена, что ее брат жив...

Они не знали, куда их привезли, т.к. не знали русского языка. Все семьи «раскидывались» по колхозам. Семья Бухгаммер попала в д. Второй Излай Алтайского края в колхоз «10 Октября». Мария Фридриховна работала дояркой. Вы-

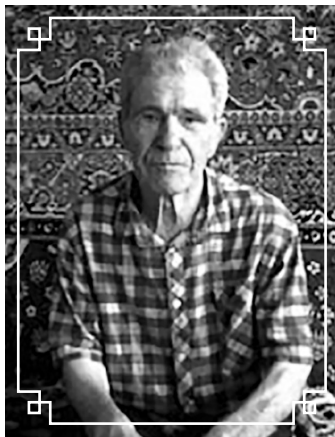
ходных не было, а платили мало. Не было никаких наград и поощрений.

Каждой семье выделили по квартире. С питанием было тяжело. Мария Фридриховна взяла с собой много красивых нарядов. Это помогло им выжить. Не одно платье семья Бухгаммер обменяла на ведро картофеля, на молоко или другие продукты питания. Из-за незнания русского языка Мария Фридриховна испытывала большие затруднения. Отношения с местными жителями складывались нормально. Некоторые даже им помогали (разрешали перекапывать картофель на своем огороде).

В с. Второй Излай Алтайского края семья Бухгаммер прожила 12 лет. В 1953 г. их реабилитировали. Мария Фридриховна переехала сначала в Казачинский район, а потом в Ярцево.

с. Ярцево Енисейского района, 2004 г.

СООБЩЕНИЕ ВАГНЕРА ЭММАНУИЛА ХРИСТИАНОВИЧА

Вагнер Эммануил Христианович (1935 г.р.) родом из Саратова. 5 классов образования. Мать София Андреевна Вагнер 1907 г.р., отец Вагнер Христиан 1905 г.р. Держали скот: боров, корова, курица, 3 овцы.

Сообщение о переселении никого не радовало, никто не хотел покидать своё нажитое хозяйство. Добирались до Сибири в грузовых вагонах по 4–5 семей в одном вагоне, сделаны нары были. На станциях выпускали, но выходили только взрослые мужчины, женщины, ребяташки ходили в горшки.

Привезли в Пировский район, название наш респондент не помнит. По приезде семьи подселяли к уже жившим там людям. Дома были деревянные, без гвоздей, крытые дранкой. В центре деревни был колодец с огромным деревянным

колесом на штырях с цепью, рядом с деревней была речка как болото. Из льна и конопли шили одежду.

В 1942 году вернули скот (корову), но держать его негде было, отдали корову колхозу за 70 кг (1,5 мешка) муки, куриц съели. Были трудодни – сами мололи зерно и получали зарплату зерном.

Комендатура была не в поселке, отмечались 1 раз в месяц, выезжать в другой район не разрешали. Комендатура штрафовала или садила на 3–15 суток за выход из окрестности.

Окружающее население – татары. Они относились недружелюбно к семье, были злые («злые как собаки»). Мать ходила работать в Пировское – пилить лес, за что им давали хлеб, 500 граммов. Она экономят хлеб, потом принесёт детям.

С 12 лет ходил в школу, но не знал ни одной буквы по-русски (не мог отвечать учительнице, в основном всё переводили одноклассники), в школу нечего было надевать, но дали одни валенки на двоих. Пока один брат бегает где-то, другой дома сидит. После учёбы сразу пошёл работать в 17 лет.

Реабилитировали примерно в 55–56 году. В 53–54 немцев не брали в армию, так как считали врагами народа. На Родину не ездил, ездили жена с дочерью (в 1985–1986 просто так ехать не разрешалось, только по «вызову»). В Енисейске пошел работать на Судоверфь, там получали мало – 1000–1100 рублей старыми, плату не задерживали, но работа была очень тяжёлая (строили судна-баржи – 2,5 метров высоты, 15 метров ширины и 80 метров длины). Начальство относилось хорошо к рабочим. Работали по 8 часов, рабочих поселяли в общагу, располагавшуюся неподалёку. Вскоре женился на Вере Кирш, сосланной с Украины.

г. Енисейск, 2011 г.

СООБЩЕНИЕ ВЕЛЬШ ТАМАРЫ КОНРАДОВНЫ

Семья Вельш проживала в Саратове. Отец, Вельш Конрад Конрадович, по образованию историк, окончил Саратовский педагогический институт. Отучился в аспирантуре, но защититься не успел, так как началась война. Мать, Вельш Лидия Карловна, по образованию учитель начальных классов. В семье росли две дочери: Нина 1933 г.р. и Тамара 1939 г.р.

Как только началась война, Конрада Конрадовича мобилизовали. Но уже через два дня, узнав, что он немец, вместе с семьёй сослали в с. Бражное Канского района.

Тамара Конрадовна считает, что только благодаря тому, что ей тогда был 1 год и 3 месяца, семью не сослали в Дудинку или Игарку. В то время, по словам Т.К., немцев целыми пароходами депортировали до Дудинки. В дороге большин-

ство депортированных умирало, мертвые тела сбрасывали в Енисей.

Сначала семью Вельш привезли в с. Бражное Канского района. Но т.к. работы для Лидии Карловны не было, её вместе с дочерьми через два месяца переселили в с. Георгиевка.

Большинство местного населения составляли раскулаченные белорусы, поэтому к семье Вельш они отнеслись доброжелательно. Хотя было и такое, что родители не разрешали детям дружить с немцами.

По прибытии в Георгиевку вещей у семьи практически не было. Удалось привезти только то, что было на себе. Местные жители помогали депортированным. Иногда выручала гуманитарная помощь США. В посылках оказывались необходимые для переселенцев вещи: детская одежда, обувь, материя. Хотя в одной посылке оказалось грязное рваное платье поварихи.

До 1953 года семья Вельш жила отдельно. Конрад Конрадович был в Решотах, в трудармии, а Лидия с дочерьми Ниной и Тамарой – в Георгиевке. После смерти Сталина Конрада Конрадовича освободили, и он приехал в Георгиевку. Однако работать по специальности ему запретили, т.к. он был немцем, но взяли его на место учителя немецкого языка.

Лидия Карловна в это время работала учителем начальных классов. За добросовестную работу на конференции объявили о награждении её медалью. Но на конференции она не могла присутствовать по болезни. А когда она через несколько дней приехала за наградой, ей сказали, что она её не получит, потому что она немка.

Через некоторое время в школу, в которой она работала, прислали молодую пионервожатую. Она-то и заменила Лидию Карловну на месте учителя начальных классов. А Лидию Карловну поставили учителем иностранного языка.

Тем временем старшая дочь Нина в 1952 г. закончила школу. Она всю жизнь мечтала стать учителем, поэтому написала заявление в Красноярский пединститут. Ей пришёл ответ, что т.к. она немка, то не может стать педагогом. И только лесотехнический институт мог принять на учёбу. Ей пришлось поступать туда. Когда подошло время сдавать экзамены, разрешение из УВД так и не пришло. Однако ей помог человек, работающий в УВД. Он сказал: «Я могу помочь вам тем, что повезу вас до института под конвоем». Так и отправилась Нина Вельш в Красноярск под конвоем. В этот же день сдала экзамены.

Когда она уже училась на третьем курсе, умер Сталин, и ей было разрешено перевестись на первый курс Енисейского пединститута на физико-математический факультет. После окончания пединститута Нине трудно было устроиться на работу, и только благодаря знакомству её устроили учителем, да и то не физики или математики, а иностранного языка.

Когда умер Сталин, вспоминает Тамара Конрадовна, мама плакала и причитала: «Девочки, Сталин умер, что же теперь будет... Ведь Сталин не знает всего. Если бы знал, такого бы с нами не произошло».

с. Усть-Кемь Енисейского района, 2007 г.

СООБЩЕНИЕ АННЫ ЯКОВЛЕВНЫ-ХРИСТИАНОВНЫ ВИТТМАН

Анна Яковлевна-Христиановна Виттман родилась 25.11.1933 г. в п. Каменский Красноармейского района Саратовской области. Там жили только немцы. Кроме неё, в семье было трое детей: два брата (Александр и Владимир) и сестра Мария (родилась уже после депортации). До депортации отец, Виттманн Христиан-Яков Филиппович-Яковлевич, 1888 г.р., работал на заводе. Мать, Луиза Филипповна, 1903 г.р., смотрела за домом и детьми.

Известие о депортации получили в августе 1941 г. На сборы дали неделю, взять с собой разрешили только самое необходимое и продукты питания. Остальное хозяйство, включая огород, коз и овец, было конфисковано. По словам Анны Христиановны, для смешанных семей было такое правило: если муж русский, а жена немка, им разрешали

остаться, а если муж немец, а жена русская – депортировали всех.

Добирались до места назначения в вагонах для скота. Ехали ночью, а днем отсиживались в кустах, поскольку боялись обстрела. В дороге не кормили, питались продуктами, которые взяли с собой. Умерших в дороге на остановках оставляли на путях и говорили, что власть позаботится о них.

10 октября 1941 г. их привезли в Потапово (бывшая Зырянка). По прибытии им выделили отдельный дом и возместили деньги за конфискованное имущество.

В 1941–42 г. в Зырянке она пошла в школу. Там быстро научилась разговаривать по-русски. А немецкий язык из-за отсутствия практического применения стала забывать. Сейчас вовсе не говорит по-немецки, хотя всё понимает. Однажды она продавала поросят на базаре в Енисейске, а двое подошли и стали советоваться друг с другом по-немецки, что возьмут одного поросенка у неё, а второго – у её соседки. Тогда Анна Христиановна сказала им, что надо брать у одной хозяйки – или у неё, или у её соседки, потому что поросята от разных маток могут друг друга загрызть.

В школе учителя и сверстники относились к Анне хорошо, и порой она забывала, что она немка. Точнее, ее национальность не доставляла ей проблем. Её отец служил в Красной армии, и в Первой Мировой войне тоже воевал на стороне России.

Во время войны родители Анны Христиановны работали в местном колхозе «Путь Ленина». Трудодни после сбора урожая оплачивались зерном и другими продуктами. С раннего возраста Анна Христиановна работала на ферме: сначала пасла скот, потом, получив среднее образование в вечерней школе г. Енисейска, стала работать дояркой и в 1957 г. была награждена медалью «Отличник труда».

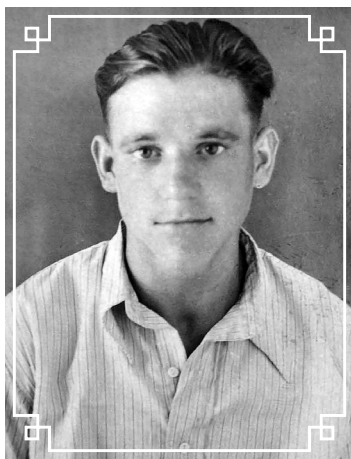
По приезду в Потапово семья Виттманн была поставлена на учет в комендатуре. Первый комендант в Зырянке – Пинигин, второй, в Енисейске, – Непомнящий. Отмечались в комендатуре 1 раз в месяц. Во время войны можно было передвигаться за пределы села, а после войны выезд был запрещен.

Реабилитированы в 1953 г., после смерти Сталина. На родину не ездила, но ездила сестра, которая рассказывала, что были восстановлены завод и больница.

Традиций немецких толком никаких не помнит, не сохранила, оттого и не читит. Обиды на власть не держит, так как к их семье, по её мнению, государство отнеслось лояльно.

с. Потапово Енисейского района, 2005 г.

СООБЩЕНИЕ ВОЛЬФА АЛЕКСАНДРА КОНДРАТЬЕВИЧА

Семья Вольфов была выслана в сентябре 1941 года в Красноярский край. Александр Кондратьевич, его родители, брат и сестры до депортации жили в селе Гримм Каменского района Саратовской области. Отец был комбайнером, мать – домохозяйкой, воспитывала пятерых детей: Карла (1931 г.р.), Марию (1934 г.р.), Александра (1935 г.р.), Эмилию (1938 г.р.) и Соню (1940 г.р.).

Из родных мест они по Волге плыли на пароходе, затем до Красноярска добирались на поезде. Дорога из Поволжья в Сибирь закончилась для семьи печально – в пути умерли младшая сестра Соня и мать Александра Кондратьевича. Умерших довели до Красноярска, место захоронения семья не знает. Отца с детьми и бабушкой (матерью отца) отправили до Енисейска на пароходе «Мария Ульянова». Конечным

пунктом назначения для них стало село Малобелое, до которого добирались на лошадях.

С наибольшими трудностями семье пришлось столкнуться в первый год переселения – сначала главной проблемой был голод. Чтобы выжить, стали выменивать привезенные с Поволжья вещи на еду. Затем отца мобилизовали в трудовую (зимой 1942 года). О его судьбе они практически ничего не знают. Известно только, что Кондратий Яковлевич, как и многие другие немцы-трудармейцы, был направлен в подразделения Краслага на станцию Решоты. Через много лет родственники рассказали детям такую историю: пекарь угостил отца свежим хлебом, тот съел его весь сразу и умер.

После отъезда отца дети практически осиротели, с ними осталась одна бабушка, которая вскоре умерла. В 1943 году старших детей пристроили в детский дом №1 г. Енисейска, а маленькую Эмилию (Люсю) – в детский сад №3.

Как вспоминает Александр Кондратьевич, в детдоме было около 500-600 детей разных национальностей: татары, калмыки, русские, немцы, финны и т.д. Больше всего калмыцких и немецких детей. А.К. дружил с калмыком Михаилом Мучкаевым. Помимо учебы, воспитанники работали в подсобном хозяйстве детдома: косили сено, ухаживали за огородом, разводили пчел на пасеке. Ребятишки еще помогали местным жителям по хозяйству, за что те угощали их молоком, картошкой, овощами и др.

Немецкие дети не знали русского языка. Они изучали его, поступив в школу. Городские и детдомовские дети и ссорились, и дружили. Вместе играли в футбол (вместо мяча зимой был коровий помет), катались с горок на картонках.

В конце 1940-х гг. дети случайно встретили свою родственницу на одной из улиц г. Енисейска – так начали восстанавливаться утраченные семейные связи. А.К. рассказал еще об одном интересном случае, который тоже пришелся на конец 40-х. Их нашли «родители». Оказалось, что это однофа-

мильцы – Вольфы, которые искали своих детей, так же двоих мальчиков и двух девочек. Но родственники знали, что их настоящие родители погибли, и «усыновление» не состоялось.

По достижении 16 лет дети направлялись в различные учебные заведения для получения профессии. А.К. вспоминает, что хотел поступить учеником на Норильский комбинат. Но из-за ограничения в получении дальнейшего образования для немцев сделать этого не смог. Причём немцев не брали, а калмыков, финнов, русских из спецпоселенцев – брали. Старший Карл тоже не смог поступить туда, куда хотел, и попал в железнодорожное училище в г. Красноярске. В 1952 году Александр стал учиться в ФЗО в г. Енисейске на судоплотника. Мария была определена на ткацкую фабрику в г. Канске. Из детдома отправляли налегке: практически пустой чемодан, в нём мелочь – трусы, майка...

В 1953 году А.К. был поставлен на спецучет и был обязан ежемесячно отмечаться в комендатуре. В ФЗО наш респондент проучился 6 месяцев. С 1953 года начал работать на енисейской судовой верфи, строил баржи. Территорию судовой верфи строго охраняли. Зарплата судоплотника составляла 125 рублей. Это были небольшие деньги, но А.К. хватало на обеды (один стоил в среднем 30-40 копеек), приобретение молока у местной жительницы и иногда покупку конфет («дунькина радость»). Премии давали редко.

На судовой верфи А.К. познакомился с будущей женой – Штоль Верой Карловной, 1938 г.р., которая конопатила баржи. Она была из семьи высланных с Украины (из Ольгино Б-Александровского р-на Херсонской области) немцев. Молодая семья поселилась в общежитии возле судовой верфи, где уже жил А.К. Они зарегистрировали брак в 1957 году. Как таковой, свадьбы не было, друзей и родственников пригласили на скромный праздничный вечер. Тетя подарила молодоженам перины. Позднее молодая семья переехала в маленький домик, в котором проживала мать Веры Карловны.

Судьба детей Вольф сложилась по-разному. Карл работал бригадиром на ЭВРЗ, позже стал начальником цеха. Мария вышла замуж и переехала с мужем в г. Миасс Челябинской области. Эмилия Кондратьевна осталась в г. Енисейске и вышла замуж за художника Животова. А.К. работал в АТП.

Национальную культуру в семье А.К. старались поддерживать его жена и теща. Мать Веры Карловны хорошо говорила по-немецки, у нее хранились привезенные с Украины религиозные книги. Она познакомила свою внучку с немецкими блюдами. Дети называли ее «омачка», что по-немецки означает «бабушка».

Семья А.К. не стремилась уехать в Германию, потому что Сибирь стала второй Родиной, а дети создали свои семьи с русскими.

Сегодня А.К. является членом немецкого национально-культурного общества, но здоровье не позволяет ему постоянно участвовать в его работе.

г. Енисейск, 2013 г.

Александр Вольф в детском доме №1 г. Енисейска

Фото из семейного архива Александра Вольфа

СООБЩЕНИЕ ГАРТУНГ МАРИИ САМОЙЛОВНЫ

Гартунг Мария Самойловна (в девичестве Гольман) родилась 14.12. 1930 года. Жила в селе Солнечном, что находится вблизи г. Энгельса Саратовской области. Живя в Поволжье, отец работал на пекарне, а мама вела хозяйство и смотрела за детьми. Всего у неё родилось 12 детей, из которых выжило только четверо – Самер, Андрей, Давид и Мария (наша респондентка). Село, в котором они жили, было большим – четыре или пять улиц, была церковь, которую потом превратили в клуб.

«У нас там был большущий дом, пятикомнатный, и второй дом был в ограде, потому что семья была большая. В хозяйстве была корова». С девяти лет Мария начала доить корову.

Детство нашей респондентки было недолгим – в 1933 году умер отец, он был сердечником, а в начале 1938, когда Мария пошла в первый класс, умерла мать.

Голод 1933 года

О голоде 33 года Мария Гартунг знает не понаслышке. Её мама рассказывала, что они выжили только благодаря корове, которая давала по 3 ведра молока в день.

«Вот я помню, как-то один раз пошла, маленькая была, годика четыре, наверное, было, мама мне говорит: «Ты куда пойдешь, там очередь большая, тебя там задавят». А я все равно пошла, я пришла, там народу была такая куча, что один на другого лезут, давят друг друга, потому что был голод. Какой-то дядька говорит: «Пустите эту девочку маленькую». Он меня поднял на руки, на продавца говорит: «Дайка ей пай». Там же по спискам было, но фамилию я знала, я говорю «Гольман», она мне в сумку положила хлеба, и я, не помня себя от радости, побежала домой». А потом в 1937 году, это помнит уже сама респондентка, урожай был таким, что зерно не помещалось в амбары; наверху, на чердаке, было засыпано его тонн, наверное, 10.

Депортация

Андрей и его жена Катя работали в колхозе. Андрей был трактористом. Старший брат Самер был председателем сельсовета. Однажды он пришел и говорит: «Собирайтесь, сейчас на подводу пойдём, будут нас вывозить всех».

Мы думали, только нашу семью, я-то не соображала ничего, мне всего было десять лет. Его жена спрашивает: «Нас, что ли, одних?». Мария Самойловна вспоминает: «В нашем селе жили люди разных национальностей: татары, украинцы, казахи. Но вывозили только нас одних, говорили, что Гитлер наступает на Сталина. Мы в вагоне все плачем. Это известие было для нас неожиданным. Может, кто и знал заранее. И брат, может, знал, но он ничего не говорил. Хотя что-нибудь собрали бы хоть в дорогу. У нас большие белые калачики стряпали, ведь можно было заранее постряпать и взять с собой в дорогу...».

В Сибири

До места мы ехали долго: в «телячьих» вагонах, на лошадях... Нашу семью расселили по разным местам: жену и родного брата в село Троицкое Пировского района, а нас – в село Бельское того же района. Нас и еще две немецких семьи поселили в большой, просторный пустой дом. Ничего там не было: ни мебели, ни железной печки...

Братьев отправили в трудармию. Двое братьев умерли там. Самер умер в 1944 году, а Андрей умер в 1945 году. Они в трудармии работали в лесу, пилили лес вручную. Есть там было нечего – голодные, холодные. Их труды даже не оплачивались.

«Женщин, когда я в Челноках жила, брали тоже в трудармию на кирпичный завод, не смотрели, можешь – не можешь».

*Детский дом в Казачинском районе.
Источник – Красноярск–Берлин. 1941–1945*

Почти сразу же после того как забрали Самера и Андрея, умерла жена Андрея, и мы остались одни: Давид, я и маленький Ванюша, у которого были красные щечки, потому что у него был диатез. Нас с Ванюшкой забрали в Казачинское в детский дом, Давид отказался идти». Трудно поверить, но этот мальчик (ему было 14) жил тем, что что-то заработает или выпросит кусочек хлеба у кого-то. Марию и других ребяташек отправили в Дудовский детский дом.

Отдельно хочется сказать о судьбе маленького Ванечки. Гольтман Иван Самойлович, отроду двух лет, «потерялся», как говорит наша респондентка. Когда её отправили из Казачинского детского дома в Дудовский, Ванюшка остался в Казачинском. У М.С. разные предположения. Может, он умер (был очень болезненным и слабым), может, его усыновила одна бездетная сотрудница этого детского дома (М.С. разговаривала с ней о брате)... Но так или иначе, судьба маленького Ванечки до сих пор неизвестна нашей респондентке.

В дудовском детском доме

О своей жизни в Дудовском детском доме М.С. вспоминает: «В Сибири холод, голод, как только вот выжили, я и сама не знаю. Мне тётя сшила красивое платье ещё до переселения. А когда была в детдоме, мальчик пролил на меня чернила. Я очень сильно ревела, взрослые думали, что сердце у них остановится от такого рёва. Директора детдома звали Василий Иванович, у него было две девочки. Жена его, Мария Ивановна, тоже работала в детдоме учителем (от ред.: наверное, воспитателем). Вместе с ней иногда приходили обе дочери. И вот они ко мне пристали, сядут рядом и сидят, смотрят, как я пишу. Василий Иванович, директор детдома, присмотрел меня в няньки к своим девочкам и как-то говорит: «Пойдем к нам, девчонки хотят с тобой играть». Писали мы карандашом, а потом ручками, рисовали на полу,

потому что пол был теплым. «Пишите вместе», – говорил он. Я писала, а девочки просто черкали на листочке.

Директор детского дома был не против того, чтоб мы разговаривали на своём языке. Он говорил, что нужно учить русский язык, но свой всё равно забывать не надо.

*Детский дом в Казачинском районе.
Источник – Красноярск-Берлин. 1941–1945*

Есть хотелось всегда, и я стала ходить по людям. В Дудовке было много ребятшек разных национальностей: и татары, и казахи. Когда со мной разговаривали, я только улыбалась, потому что не понимала, что они говорили. Дети говорили, чтоб я садилась, пока их родителей не было. Когда родители приходили, дети рассказывали, что я хожу, собираю куски, п.ч. у меня нет ни мамы, ни папы. Со временем я стала понимать по-русски, по-чувашки, а потом

и по-татарски». В детском доме М.С. прожила около 4 лет, потом все-таки брат Давид забрал ее и увез в Александровку. Директор детдома отговаривал его, говорил, что если я останусь в детском доме, мне легче будет потом куда-то поступить. Но Давид стоял на своем, и так мы оказались в Александровке.

Мы жили в доме вместе с другими переселенцами. Каждый день нам полагалось по 500 граммов овсяной муки – это был наш паёк. К тому времени я пошла на работу в колхоз, возила на быке воду. Бык такой непослушный был, вредный, а я маленькая, никак не могла с ним управиться. Тут хоть плачь, хоть скачь».

Давид пошел к бригадиру и рассказал о моих бедах, и вскоре меня перевели на ферму, я ходила за отъемышами-поросятами, чистила, убирала, кормила. Было трудно.

СНЯТИЕ СО СПЕЦУЧЁТА

Люди были сняты со спецпоселения в 1956 году. Жизнь сильно не изменилась, такой же и осталась.

Где-то в 60-е годы нам разрешили вернуться, но только не в свои дома. А на свои дома не претендовали чтобы, если там жили люди. Наш дом до сих пор стоит, там живут люди. Потом нам возместили стоимость нашего дома – нам дали 8000 рублей, в то время это были большие деньги.

Была комендатура, ходили отмечаться. Отмечаться ходили те, которые были трудоспособные. Я маленькая была, а коменданты с пистолетами были, заставляли расписываться, чтобы ты никуда не убежал, никуда не делся. А потом под конец они уже не сильно сердитыми были.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С МЕСТНЫМ НАСЕЛЕНИЕМ

Люди всяко относились. Когда я подросла, я уже считалась русской. Хорошо относились – можно даже так сказать.

Фашистами никто не называл, просто, когда были маленькими, были шутки: «Ты такая же фашистка, как и я».

День СМЕРТИ Сталина

Когда Сталин умер, все собрались в конторе, там было одно радио. Кто-то переживал, плакал, а кто-то говорил: «Ну сдох и сдох».

Отношение к произошедшему спустя годы

Я не понимала, нужно было переселять или нет, потому что я маленькая была. Почему-то только немцев переселяли, я не понимала, почему не переселяли казахов и татар.

Была бы молодая, я бы вернулась на родину. Я по-немецки мало знаю, забывать стала много. Муж был немцем, свекровка была немкой (от ред.: жизнь Марии Самойловны Гартунг не сложилась: отношения не заладились со свекровью, муж был далеко не идеальным, да и ни одного ребёнка не смогла выносить. Сейчас М.С. под опеку взял сын Давида. И то хорошо).

с. Галанино Казачинского района, 2016 г.

СООБЩЕНИЕ ТЕЛЬГОРН ЭЛЛЫ АДАМОВНЫ

Элла Адамовна Гельгорн, 1938 г.р., проживала в Саратовской области АССР немцев Поволжья. В 1941 году их депортировали.

Ехали на поезде до Красноярска, с Красноярска на барже до Ангары, до деревни Пинчуга. Поселили все семьи, которые приехали, в какой-то дом и написали табличку «В дом не входить, из дома не выходить». Просидели так некоторое время. Среди этих людей была женщина, которая немного знала русский язык. Она сходила в сельсовет и договорилась, чтобы их расселили из этого дома. Расселили всех по русским семьям. В 1942 году отца забрали в трудармию. В колхоз маму работать не взяли. Она ходила по деревне: кому побелит, кому половики постирает либо ещё что-то. Маму накормят, а дети голодные сидят, плачут от голода. Иногда люди и для детей что-нибудь из еды давали. Элла Адамовна вспоминает, как в возрасте 12 лет мама разбудила

ее рано и отправила идти окучивать картошку к людям. Так начались ее трудовые будни. Надо было зарабатывать как-то на еду.

«Бывало, что ходили с сестрой колоски собирать. Председатель, если не успели в лес убежать, отбирал, даже два колоска отбирал. Потом маму взяли в колхоз сторожем и выделили нам небольшую избушку, куда мы и переехали. Когда она уходила на работу, деревенские мальчишки на избушку залазили, стучали в окна и кричали: «Фашисты, фашисты, выходите». Мы тряслись со страху, боясь выйти из дома. Один раз мама поймала одного мальчишку, побила его, и после этого они больше не лезли. Каждый месяц мама ходила отмечаться в контору».

Старшую сестру в 17 лет забрали на лесоповал, где они делали плоты и сплавлялись по Игарке. На зимовку она попала в Подтёсово, где и осталась. А в 19 лет вышла замуж за заключенного, который отбывал свой срок на строительстве подтесовской дамбы. Сестра в 50 году сделала вызов, и наша респондентка с мамой переехали к ней, жили в комнате 6 человек на 12 квадратных метрах.

Их семье ничего не вернули из того, что у них было до высылки. Нужно было свидетельство о браке, а свидетельства не было, потому что отец изорвал его на самокрутки. Отца Эллы Адамовна не помнит: он так и не вернулся, надсадился и умер в трудармии.

п. Подтесово Енисейского района, 2010 г.

СООБЩЕНИЕ ГЕЛЬРОТ АННЫ ПЕТРОВНЫ

Анна Петровна (Адольф) Гельрот родилась в 1926 году в с. Варенбург Саратовской области. Семья была бедной, помимо Анны Петровны, было еще 2 детей. Их воспитывал отец, т.к. мама рано умерла. Отец был пастухом.

Во время депортации ей было 15 лет. На сборы им дали несколько дней. Разрешалось взять с собой пищу, из вещей брать было практически нечего. Они прихватили с собой подушки, одеяла, т.е. самое необходимое. Семью Анны Петровны первоначально отвезли на конях к Волге, где они прожили несколько дней в ожидании баржи. Кушать было нечего. На барже они приплыли в г. Энгельс, где их пересаживали на поезд. В поезде они ели то, что взяли с собой. Но что-то из пищи им все равно давали. Случаи воровства в пути Анна Петровна не помнила. В течение скольких дней они ехали в поезде, Анна Петровна не помнит.

Прибыли в с.Таскино Каратузского района, где прожили 11 месяцев. Поселили их в заброшенном холодном здании, посередине стояла печка. В одной комнате жили по несколько семей. Местное население относилось неоднозначно. Например, председатель колхоза относился к ним хорошо: помогал продуктами, давал им муку, картошку. Он знал, что эти дети росли без матери. Но бывали и такие, кто был настроен враждебно. Это проявлялось в постоянных оскорблениях, были даже случаи, когда в приезжих немцев кидали камнями.

Далее они были депортированы в с. Назимово, где прожили около 1 года. Здесь местные жители практически все относились к ним негативно. Здесь же, в Назимово, сестра

Анны Петровны выходит замуж тоже за репрессированного. Мужа сестры отправляют на Фомку. Сестра Анны Петровны едет вместе с мужем, вместе с ними едет и Анна Петровна. На Фомке Анна Петровна вышла замуж тоже за репрессированного – Гельрота.

Анна Петровна рассказывает, что когда ее дети пошли в школу, то учителя называли их фашистами, всячески унижали. Возможности передвижения долгое время не было. Она появилась в 1961 году. Анна Петровна с мужем покупают лодку и переплывают в с. Ярцево. Реабилитироваться ей помогла жена брата, проживающего в Курагинском районе, которая собрала все необходимые документы.

На своей малой родине Анна Петровна так больше и не побывала. О судьбе тех, кто вернулся после реабилитации, она ничего не знает. Спустя годы не удалось сохранить элементы культуры. Анна Петровна практически не помнит немецкого языка.

с. Ярцево Енисейского района, 2004 г.

СООБЩЕНИЕ ГЕЛЬЦЕНЛИХТЕРА ИОСИФА ИОСИФОВИЧА

Гельценлихтер Иосиф Иосифович родился в 1942 г. в с. Нейбаден Разделянского района Одесской области. У него было три старших сестры: Катя (1937 г.р.), Роза (1939 г.р.) и Лиза (1941 г.р.). Родители: Фольк Анна Матвеевна (1915 г.р.) и Гельценлихтер Иосиф Антонович (1911 г.р.) – работали в колхозе. Село Нейбаден было большим, очень красивым, с развитой инфраструктурой (была церковь, школа, магазины, почта...). Жили в нём в основном немцы. У семьи Гельценлихтер был добротный дом, крепкое хозяйство (коровы, свиньи), большой сад с фруктовыми и ореховыми деревьями.

Дисциплина и порядок были «железными»

В 1941 году отец ушёл на фронт. А в 1942 году в Нейбаден вошли немецкие войска. Мама Иосифа Иосифовича

рассказывала, что новые власти сразу же убрали всех сторожей за ненадобностью, поскольку сказали, что если что-то пропадёт или кто-то, не дай бог, что-то украдёт, то расстреляют полсела. Дисциплина и порядок были «железными».

В Германию!

В 1943 году их семью (маму и четверых детей) угнали вместе с другими сельчанами в Германию. Названия местности, где жили, Иосиф Иосифович не помнит: ведь ему на то время исполнился только годик. Все подробности жизни этого периода он рассказал нам со слов матери. Фермер (их хозяин) относился к ним очень хорошо – кормил вдоволь маслом, молоком, ребятишкам даже делал подарки к Рождеству. Хозяйские девочки любили играть с маленьким Иосифом, заплетая его кудрявые волосы в косички. А когда окончилась война и советские войска вступили в Германию, хозяйка советовала маме Иосифа Иосифовича не возвращаться в Россию и предлагала спрятать их. Но Анна Матвеевна не согласилась – ведь там, в России, остался её муж, от которого за войну не было ни одного письма.

Дорога в Россию для семьи Гельценлихтер стала дорогой в далёкую Сибирь

Дорога в Россию для семьи Гельценлихтер стала дорогой в далёкую Сибирь. Их привезли в Иркутскую область на станцию Черемхово. Поселили в одном из трёх барakov, где были нары, земляные стены, земляной пол. Все вместе – и взрослые, и дети... Обеды готовили на улице, на общей печи по очереди. Мама работала на слюдяной фабрике, даже домой иногда приносила кусочки слюды, чтобы план выполнять. А дети помогали ей чистить (расщеплять) слюду. Жили голодно. За хлебом занимали очередь в 3–4 часа утра. А когда получишь хлеб, говорит наш респондент, то не ешь его, а сосёшь.

Года через 2–3 несколько семей, в том числе и Анну Матвеевну с детьми, перевели в д. Кумора Северобайкальского района Бурятской ССР. Там они жили в конюховке вместе с 3 другими семьями. Старики изготавливали упряжь, а дети находились при них, когда мать была на работе в колхозе. Старших сестёр мама отдавала в няньки на заработки.

В 1949 году Иосиф Иосифович пошёл в школу, которая находилась в трёх километрах от их деревни. Летом-осенью мальчик ходил в школу босиком, перекинув ботинки через плечо. А зимой на всех детей были одни валенки, вот и учись как хочешь. Наш респондент вспоминает, как в морозы замерзали чернила (их носили через плечо в бутылке на ляжке), в школе приходилось долго отогревать. А на математику ломали в лесу прутья, делая из них счётные палочки. Вместе с ним учились в школе и русские, и буряты, и эвенки. Был даже интернат для эвенков. На Новый год давали подарки.

В 1950 г. вновь перевели – уже в Нижнеангарск, где комendant проверял их самолично каждый день. Мама работала на пилораме. А в 1951 году вернулся папа (по 58 статье он сидел в одной из ижевских колоний, а за что – никто не знает). Отец через кого-то сумел найти свою семью. Здесь, в Нижнеангарске, жили уже посытнее – был рыбзавод, где работал отец. Баржи разгружались со всякой рыбой, и мелочовку можно было спокойно взять. А так выживал кто как мог. Некоторые женщины прятали рыбу в голяшки сапог, чтобы принести домой.

Иосиф Иосифович вспоминает, как в день смерти Сталина всех собрали на митинг у братской могилы. Гудел завод, все плакали, а учительница линейкой стукнула кого-то из мальчишек, кто не плакал и не проникся всеобщим горем.

В 1955 году, когда их сняли со спецпоселения, семья переехала в с. Усть-Кемь Енисейского района. Родители пошли работать на шпалозавод. За ударный труд награждали пре-

миями (50 руб.), хромовыми сапогами, грамотами. Зарплату выдавали частями. После окончания семилетки Иосиф Иосифович поступил в подтёсовское училище на столяра, где проучился 2 года. После работал на судостроительном заводе в Красноярске 4 года, а потом, после службы в армии, он вернулся в Усть-Кемь, где работал на шпалозаводе шофёром.

И снова Германия

В начале 90-х Иосиф Иосифович вместе с семьёй, которой он уже к тому времени обзавёлся, уехал жить в Германию. Но через 5 лет вновь вернулся в Россию. Там он был на хорошем счёту, хозяин был доволен им, говорил: «Ты в 53 года работаешь как 23-летний». Платили по 15 марок в час, и премии были, и с днём рождения хозяин поздравлял всю семью подарками, и порядок в Германии идеальный, и точность, пунктуальность во всём, но... «Русскости» в душе истинного немца было тесно в правильной Германии: и в гости не пойдёшь без предварительного согласования, и на рыбалку корочки надо, и музыку даже на природе громко включать нельзя... Всё это мелочи, конечно, но... «Ни чихнуть, ни...» – говорит Иосиф Иосифович. Вот и вернулись снова в Россию.

В России

Дом Иосифа Иосифовича типично «немецкий» – всё добротное, аккуратное, ухоженное. Двор застелен досками, которые каждый день моются. Картошку пропалывают как грядки. Усадьба – сказка! Иосиф Иосифович и его жена – люди самодостаточные. Много в России, в Енисейске, неприемлемо для Иосифа Иосифовича: разгильдяйство, безответственность, леность как простых людей, так и властей, но... все-таки здесь его дом.

г. Енисейск, 2013 г.

СООБЩЕНИЕ ТЕНТЕР ЭММЫ ГОТФРИДОВНЫ

Эмма Готфридовна (Арне) Гентер (1936 г.р.) родилась в с. Верхний Еруслан Саратовской области Старополтавского района.

Родители

«Бабушка рассказывала, что отца забрали в 1937 году, я его и не видела, и не слышала, и не знаю, какой он был. Не сохранилось ничего. Фотокарточки и письма, которые у нас были, мы сложили в маленький сундук, и, когда объявили, что уезжать нужно, эти все документы, письма и адреса – все осталось там. Вот пишут, что отца забрали на фронт, мне было совсем немного лет, и вот такая беда – я никогда отца не видела и не знаю.

Депортация

Вроде домой приходили. Вот когда Сталин издал приказ выселять всех, и дали 24 часа на сборы. Потом за нами при-

шла подвода, это по рассказам мамы. Я это, конечно, не помню. И скорее-скорее: что успели – захватили, а что не успели – оставили: и скот в стойке, и в доме всё, да и сам дом. Некоторые вещи прихватили и приехали в Сибирь. Ехали мы целый месяц. С собой брали самое необходимое. Я помню, верблюжье одеяло было, мама своё пальтишко ещё взяла, и были домашние вышитые наволочки. Мы приехали голые и раздетые, с Божьей помощью только и выжили».

В Сибири

Вот это всё я помню как вчерашний день. Подъехали мы на подводе, доехали до залива, ещё и плыли на пароходе сюда. Тут к заливу приехали. Когда была подвода, нас пересадили и перевезли в село Кемское Казачинского района. Проехали всю деревню, какой-то мужик с нами был здешний. И к кому бы ни стучались, не принимали нас. Немцы-то они ж с хвостами, с рогами. И вот четвертый дом, какая-то маленькая девчушка открыла окошко, посмотрела и говорит: «Мама, они все такие красивые. Мама, давай их пустим». Они открыли двери, ворота и пустили нас. А потом мы жили в другом доме, и нас там было 5 семей. Посередине комнаты печка была, и своими руками мы делали нары из жердей, ни кроватей, ничего же не было. И потом сколько квартир мы меняли, нас всё гоняли вперед – назад. И где только ни жили, и как только ни жили. В землянке жили две зимы, жить уже негде было, гоняли из угла в угол. Там и зимовали, помню, холод был сумасшедший...

Я тут выросла и даже 1 год ходила в садик в Кемском. Садик я тоже помню как вчерашний день. У нас была одна комната, коечек маленьких не хватало, мы вдвоём на одной коечке спали. Лежала со мной девчонка, тоже немочка, и каждый раз она меня обсикивала. Столов не было, садили нас по кругу на пол, давали чашечку маленькую алюминиевую, две картошины в мундирах, вот такая еда была. Но

летом у нас была и капуста, морковка, летом нам варили супы, но мяса я не помню даже, хлеба тоже было маленько, маленький кусочек, но давали. Ни игрушек, ничего у нас не было. А так охота было хоть какую-нибудь куклу иметь, и каждую тряпочку я превращала в маленькую куколку, перевяжу, чтобы голова получилась

Хорошего-то мало было: мне лет 11 уже было, нас землей и камнями закидывали. Вот мы в Кемском жили, там 3 сестры жили без родителей, они как собаки были и стояли у дороги. Мы только пойдем, а они уже кидались и землей, и камнями. А которые были очень хорошие люди. Во всех нациях разные люди – и хорошие, и плохие.

«...ТАК ОНА КАЖДЫЙ ДЕНЬ МЕНЯ ГОНЯЛА К ДОСКЕ И ВСЕМ СТАВИЛА В ПРИМЕР»

«А мы все приехали тут, не на что было учиться, одевать нечего было, так и остались неграмотными. Я 4 класса окончила, и потом нужно было идти в Дудовку, а я голая, раздетая. В школу я когда пошла, у меня была юбка из мешка с одной пуговицей и старая-старая шаль, накрест перевязанная, и босиком ходила.

Игрушек у нас не было, мы ходили по свалкам и искали какую-нибудь тряпочку или стёклышко – вот это и были наши игрушки.

В школе я училась хорошо, мне стыдно было ходить в школу, я специально села за последнюю парту, чтобы меня не видели. Русский и математику я ужасно любила. Я помню, одну ошибку сделала по русскому языку в словосочетании «по узкой дорожке», я написала «с». Учительница вызвала меня к доске и говорит: «Как слово меняется узкая?» Я сразу и говорю: «Узенькая». А она и говорит: «Почему тогда «с» пишешь? Вот я и запомнила сразу на всю жизнь».

А в 4 классе мама заболела, и некому было картошку копать, я осталась дома картошку копать. Приехал из Дудовки

комендант. Вызвали меня в сельский совет и спрашивают: «Почему в школу не ходишь?». Я говорю: «Я себя плохо чувствую». Но в школе всё равно всем ставили меня в пример, и охота мне было учиться, интересно это было. Ну да ладно, 2 недели пропустила и потом опять пошла в школу, так она (учительница) каждый день меня гоняла к доске и всем ставила в пример. «Вот видите, сколько пропустила и всё знает», – говорила она. А я дома всё учила, ведь мне это надо.

ДЕНЬ СМЕРТИ СТАЛИНА

Помню, нас всех созвали в сельский совет, все встали, и началась минута молчания, молитвы нам читали. Я плакала, ведь моего отца забрали в 37 году и в 97-м году его реабилитировали как невиновного. И он всё писал маме, чтобы она берегла детей и что он не виновен и его отпустят. Потом, когда мой старший брат пришёл с трудармии, он писал в розыск, чтобы найти отца, но никакого ответа не было. Но вскоре пришел ответ, что отец умер 21 октября 1937 года, в это время мы как раз ехали сюда.

СИСТЕМА УЧЕТА СПЕЦПОСЕЛЕНЦЕВ

До 56-го года отмечались. Я начала работать, и приехал этот комендант, и ему, похоже, неохота было ездить по этим ссыльным, чтобы они отмечались. Меня вызывает и говорит: «Я тебе даю 10 человек, каждые 10 дней обойдешь их и соберешь подписи, чтобы они не сбежали никуда». А я заплакала: я же не знаю никого, они ведь также все ссыльные, новые люди. Ну, я и пошла искать этих людей по деревне, а что делать-то.

Мы не должны были никуда ни шагу делать, даже в соседнюю деревню. Даже в магазин крадучись ходили – боялись. У мамы сестра жила в Белоречке, это 8 километров от Кемского, туда мама ещё ходила ночью, и отмечали строго, чтобы никто никуда ни шагу.

О ВЕРЕ И БОГЕ

Нет-нет, по-немецки я не говорила. Я помню, наши пошли на поле крахмал собирать. А я всё плакала, что тоже с ними пойду, а мне тогда лет 6–7 было. Ну, и взяли они меня с собой. Я до Табра не дошла, заплакала, домой захотела. А это было весной. Ну и говорят мне: «Ты иди по этой дороге домой, только никуда не сворачивай, иди». Ну, я и пошла. Бог знает, куда я свернула и заблудилась. Солнце уже на закате, а я села на бревно, заплакала и говорю сама себе: «Сейчас волки придут, меня разорвут». И вспомнила бабушку, она сказала, что в любом месте, где бы ты ни была, горько тебе или кисло, молись Богу. Я встала на колени и прошу:

«Боженька, ведь ты видишь, я одна, меня звери сейчас разорвут, помоги мне выбраться». Как могла, так и молилась. И, откуда ни возьмись, подвода. Я встала за дерево, а они и спрашивают: «Ты чья?». А как сказать? По-русски-то я не знала. Но я вспомнила это слово, как бабушка всегда говорила не Кемское, а Эмское. «Эмское, Эмское», – кричу им. Они и поняли, что это Кемское, посадили меня к себе и поехали. До моста доехали – и наши идут. Я сразу заплакала, закричала, что к ним хочу. Они остановились, меня высадили. Пришли мы домой, и я всю ночь ревела, и мама не отходила от меня, всё вопросы задавала: «Что плачешь? Где была? Что с нею?». Все боялись сказать, что мама им даст разгону, что одну меня отпустили. Так и не сказали.

Традий-то я не знаю никаких. Ну, я знаю, что только предки мои книги божественные взяли с собой и передаются они у нас по наследству. И всю жизнь мы молились Богу.

Мы когда приехали в Кемское, как раз разобрали церковь и сделали гараж. Была соседка у нас, тётя Катя, а я спросила: «Тётя Катя, а куда ваш муж девался?». А еще

перед этим, как сюда нас сослать, говорит, собрали всех, и спросил колхозный председатель: «Кто полезет на церковь, свернёт этот крест, тому дам корову из колхоза». Муж её и поднял руку, полез он. Тянулся-тянулся до креста – не дотянулся, скатился и упал, насмерть разбился. И ещё несколько человек пробовали сломать этот крест, но также разбились насмерть.

По прошествии лет

В 1947 году, в апреле месяце, мой брат пришел из трудармии. Его взяли в трудармию сразу, как приехали. Осенью ему было только 15 лет, и его вернули. А потом опять весной его забрали в Свердловскую область, а осенью только в сентябре ему исполнилось 16 лет, ребенок ещё. И он пробыл в этой трудармии до 47-го года. Когда он пришел из трудармии домой, то пошел на работу, и дали ему квартиру однокомнатную, ну нормальная была комната, там мы тоже прожили года 2, а потом дали отдельный домик и жили 3 семьи. В 50-м году опять переехали, и мой брат женился. А в 53-м мы переехали на Табр. А уже люди с Кемского, чтоб далеко не ходить, стали там дома строить. И где-то в 60-м году люди начали разъезжаться кто куда, ну, некоторые вернулись обратно, а у нас мама не захотела. В той деревне, в которой мы жили, туда не пускали. Уезжали люди в деревню Кана, только мама сильно хорошо знала эту территорию. Девчонки не выходили замуж там. Там глина, и нету земли путней и воды. Если в свою деревню, то можно было бы, а туда мы не поехали. И в 63-м году мы переехали сюда, в Мокрушинское.

Я не знаю, для чего это нужно было, но тут мы кару выхлебали в 1941. Были очень трудные, тяжелые годы до 56-го. В 56-м году уже пришел к власти Хрущев, и он выпустил приказ «оставлять хозяйство», но только 1 корову и 2 овцы...

Жизнь прошла. И что уже на кого обижаться? Как жили, что жили, но всю горечь вылебали. Поднялись на ноги. Если так оглянуться: что наши предки пережили – это ужас. Мама рассказывала свою жизнь, она как-то была твердая в характере, а я ещё девчонка, я сидела – заливалась слезами, плакала. «Как вы могли выжить?» – спрашивала я её.

Вот и у самой жизнь прошла уже. И стала я сибирячкой, уже приросла к этой земле. Вот многие немцы сорвались в Германию, а я никогда не хотела и не хочу, и мама не хотела. Я тут дома, со мной чистота и порядок.

с. Дудовка Казачинского района, 2017 г.

СООБЩЕНИЕ ГЕТЕРИХ ЛУИЗЫ ЭДУАРДОВНЫ

Гетерих Луиза Эдуардовна родилась в 1928 году в Саратовской области, в Марксштадтском районе, деревне Гоперберг. Отец, Гетерих Эдуард Карлович, работал в колхозе бригадиром. Мать, Шнайдер Луиза Федоровна, работала в колхозе, выращивала шелкопряд (кормила личинки шелкопряда, по счету, разбирали куколки на нити и развозили в ящиках).

Жизнь до депортации

Село было большое, была церковь, большая школа, большое население. Жили только немцы, лишь учительница была русской. Русскому языку учились только с 4 класса, в селе говорили на немецком языке. Даже вывески в магазинах были на немецком языке. Продолжала сохраняться немецкая культура – песни, кухня. Но, несмотря на все это,

среди жителей были православные, был и православный храм.

В семье было 4 детей: Луиза была старшей, брат Герман (Геннадий) 1931 г.р., сестра Маруся 1933 г.р., младшей сестренке Ане был всего 1 месяц, когда их депортировали. В селе были много садов, бахчей – у всех все было свое. В семье была корова, козы, свиньи. В саду выращивали картошку, лук, арбузы, дыни, огурцы. Жили зажиточно.

Дом был саманный, сделанный из самодельных кирпичей, построил его отец. У отца было еще 3 брата, и когда Луиза была маленькая, такой большой семьей жили в доме у бабушки и дедушки. Тогда так было принято, жили очень дружно. Бабушка и дедушка были главными в семье. А остальные им помогали, подчинялись им. Свой отдельный дом построили, когда дети стали подрастать.

Орала скотина, были собаки...

Когда Луиза училась в 4 классе, семью депортировали. Узнали о том, что пришел указ о депортации, от людей (передавался слух). Сначала родители не поверили этому, так как люди говорили об этом уже 2 недели, но потом их вызвали в сельсовет. Они очень были взволнованы.

В течение двух недель погрузили и отправили семьи. Люди были в панике: кто готовился, а кто и нет. Стряпали, сушили сухари – собирались в дорогу. Брать с собой разрешили очень мало, дома осталось практически все. Когда сидели уже на машинах, подошли коза и корова Маня. Это было жутко: орала скотина, были собаки. Отец попросил в последний раз подоить корову, доили ее прямо в песок. С собой взяли немного вещей (только одежду). Несколько молодых людей составили опись скотины и пообещали, что вернут по приезду. Уже в Сибири вернули корову.

В пути

Ехали вместе с папой и мамой, а бабушка и дедушка остались с младшим сыном, и их увезли еще раньше. Ехали на разном транспорте: кто на бричке, кто в грузовых машинах. На одной машине ехало три семьи, было даже некуда положить багаж. Были чемоданы, мешки, немного постельного белья. Довезли до Маркштадта. Погрузили на баржу и так повезли в Энгельс. Спали на палубе кто где. Одна женщина, держащая на руках младенца, уснула, и ребенок упал в воду. Плыли на барже 2 дня. Ходили слухи, что всех утопят на полпути, потому что никто ничего не знал.

От Энгельса ехали в товарных вагонах, на полу не было даже соломы. Спали вповалку прямо на холодном дощатом полу. В одном вагоне по 4 семьи в каждом углу, в середине 8 семей, всего людей в вагоне человек пятьдесят было. Загнав поезд в тупик, делали остановки, чтобы убрать трупы и поесть немного (суп и кашу).

Сибирь

Привезли в Новосибирскую область в Сузунский район, в город Чулым, на элеватор. Сначала жили в бараках, вещи были на улице (2–3 ночи), потом приезжали люди из колхозов и набирали себе работников. Забирали всей семьей. Жили сначала на подселении, и на работу брали не по специальности. Распределили в Синельниково.

На подселении жили у мужа и жены в небольшой комнате 4-5 метров с русской печкой, а сами хозяйева жили в дальней комнате. Домик был небольшой, было подполье. Практически все бытовые предметы (посуда, тяпки и др.) дал хозяин – он был очень хорошим человеком. Уже была глубокая осень, и так как есть нечего было, Луиза с братом копали колхозные поля и собирали оставшуюся в земле картошку. А вечером приходили отец и мать и забирали. Так прошло 2 дня, на 3 день пришли местные, наверное,

из сельсовета, и стали отбирать картошку. В это время родители работали в колхозе – молотили зерно, участвовали в уборочных работах. А сестренка Маруся сидела дома с младшей Аней. Луиза с братом ходила по полям и собирала колоски, оставленные после уборки. Вместо зарплат родители получали трудодни, и за них давали немного пшеницы и ржи.

Луиза начала работать с 14 лет и получала по 200 граммов хлеба. Вместе с братом ходили в лес – заготавливали дрова. На Волге у них не было валенок, а в Сибири без них никуда! Обматывали ноги тряпками и ходили – были случаи обморожения. Сделали палатку в углу комнаты, а спали на тех вещах, какие были на себе. Луиза возила на быке воду для тракторов целыми днями. И однажды произошло вот что: был пасмурный день, она везла воду и немного задремала. Бык от паутов забрался в кусты, и как Луиза ни старалась, не могла его вытянуть. Тем временем их потеряли, и за ними поехал бригадир. Когда он увидел Луизу, то сначала отругал, а потом помог выгнать быка.

Деревенские думали, что немцы предатели, фашисты, что у них растут рога... Отца забрали в трудовую армию, и он там работал в шахте. Уже весной их выгнали с подселения, и они перезимовали в старом амбаре. На следующее лето их с еще несколькими семьями поселили в пекарню (6–7 семей). Пекарня состояла из 2 комнат, в одной жили 3 семьи, а в другой – 4 семьи. Топили буржуйки по очереди, готовили по отдельности. Но зимой там жить было нельзя, и в 43 году построили землянку из пластов земли, сложенных друг на друга как кирпичная кладка, крышу покрыли камышами, а сверху насыпали земли, чтобы было теплее. Вместе с ними жила и корова, которую им выдали в колхозе взамен оставленной в Поволжье. Спали на соломе, укрывались тряпками. Было тесно: у одного бок устанет – все переворачиваются.

Жили дружно, радовались, когда собирались вместе, так как весь день были по отдельности. Ели тюрю. Весной, как только растает снег, шли в огород, выкапывали неубранные осенью картофелины. Ели саранки, разную траву. Ложились на землю и ели подорожник. Подорожник был ещё маленький, но очень хотелось есть. Несмотря на такое питание, не болели. Рожали на дому. Мать, когда рожала, вызывала медсестру. До этого медсестер не было, было очень тяжело.

Каждый месяц отмечались в спецкомендатуре. В соседние деревни ходить было запрещено. Комендатура была в Чулыме. Комендант приезжал к ним в деревню. Ходили отмечаться все – и дети. Комендант был обычный, не зверь – делал свою работу. Бывало, кто-то отлучался из деревни, давали трое-пятеро суток ареста, потом отпускали.

Новая семья

В 1947 году разрешили переехать в Чулым. Это получилось потому, что отец умер. Он пробыл в трудармии три года, пришёл в сорок четвертом. Отпустили его по болезни (проблемы с лёгкими) на восемь месяцев. Пришёл осенью, а весной уже умер, похоронили в Синельниково. Мать собрала масло, поехала на базар обменять масло на кое-что из одежды. В поезде она познакомилась с женщиной, у которого умерла во время депортации жена, и была дочь – ровесница Луизы. Он жил в Чулыме, но стал приезжать к ним. Потом мать вышла за него замуж, и он забрал их к себе. Всего детей в семье стало шестеро (у него было двое).

Мать вместе со старшей дочерью нового мужа пошла работать на железную дорогу. В 1947 году были сильные бураны, и они убирали снег. Отчима звали Александр Порн. Он был не очень грамотным, работал старьевщиком: собирал тряпки, кости, работал в колхозе. Он прожил с матерью года три-четыре, потом они разошлись. Он уехал в Кривошеку, забрал своих детей.

«ЖЕНСКИЕ ШТУЧКИ»

Когда отец пришёл из трудармии, у него была розовая рубаха, у которой спина была сгоревшая от пота, еще он привёз зелёный рюкзак. Из рубахи сшили кофту, из рюкзака – юбку. Все позавидовали. Кофта была с коротенькими рукавами.

Ходила на вечерки. Чулок не было. Из лошадиных шкур делали что-то вроде калош – делали в них дырочки и веревочками завязывали. Утром по росе они размякали, делались большими и шлёпали на ногах, а к вечеру высыхали и становились прямо по ноге, как туфельки. Вечером в них ходили на вечерки. Молодёжи там было много. На бала-лайке играли плясовую. Научилась говорить по-русски. Границы стирались: кто русские, кто немцы – не сразу и поймёшь.

Волосы у Луизы были густые и длинные, носить их было тяжело. Подрезали снизу, чтобы было легче. Летом было жарко, вообще волосы срезали наполовину. Поначалу, как только приехали, были вши, их травили щёлочью. Мыла не было. Мылись золой (цедили её через сито). Белья (бюстгальтеров) не было. Трусы носили самосшитые. Ноги были все в цыпках. Вечером мыли ноги, потом в кусты – писали на ноги, и становилось легче. И руки протирали, и лицо мочой. Прогорит, и засыпаешь. А если не намажешь, уснуть невозможно: всё чешется, расчёсывали коросты до крови.

«...ЕЁ УБЕДИЛИ ВЫТИ ЗАМУЖ ЗА НЕМЦА, ЗА СВОЕГО»

В Чулыме пошла работать на железную дорогу, получала рублей 50–60. Премии не давали. Относились ко всем одинаково. Будущий супруг работал в Преображенке, его посылали от колхоза учиться на тракториста. В МТС (там ремонтировали трактора, машины) был красный уголок, они туда ходили. Это было в двух с половиной километрах. Там

они встречались, танцевали вальс, польку под балалайку. Его забрали в армию. До прихода домой оставалось четыре месяца, и её убедили выйти замуж за немца, за своего. Она была послушна, парню в армию писать перестала, а когда он пришёл, она уже была замужем.

Были паспорта «волчьи», без фотографии, точнее, справки, выполняющие роль паспорта. Стали жить с супругом, хотя они не были зарегистрированы. Она была на своей фамилии, он на своей. В 1952 году родила сына, его записали на отца, как и всех остальных детей – Риймер. Отмечались в комендатуре до 1956 года.

п. Подтесово Енисейского района, 2010 г.

СООБЩЕНИЕ ГИСВАЙНА АЛЕКСАНДРА АВГУСТОВИЧА

Александр Августович Гисвайн родился 18 октября 1932 г. в селе Кнаденьфельд Экейжского района Саратовской области.

Известие о депортации восприняли относительно спокойно: на сборы дали достаточно времени, так что успели взять всё необходимое. Добирались товарным поездом. Кормили на каждой станции. Еда выдавалась ведрами по талонам, давали каши, похлёбки, хлеб. Также был угол с ведрами за занавесом, чтобы справлять нужду. Эти ведра выливали, открывая двери. Так добрались до Енисея, а по нему на барже до Галанино. Затем их распределили в Вороковку.

МЕСТНЫЕ ИХ ДАЖЕ УГОСТИЛИ КЕДРОВЫМИ ОРЕХАМИ...

Там сразу дали дом, корову, овец и зерно. Местные их тепло приняли, даже угостили кедровыми орехами, которых переселенцы ни разу не пробовали, в отличие от воро-

ковцев, для которых они были как семечки. Отец в семье Гисвайн работал трактористом, и поэтому им позже пришлось переехать в Рождественское, так как там была ближайшая МТС. Комендатура также располагалась в Рождественском. Отмечались каждый месяц. Труд оплачивали трудовыми.

Позже, 2 января 1942 года, отца Александра Августовича забрали в трудовую армию на Урал. В семье матери нашего респондента было 7 сестёр. Трёх из них отправили в Вагино, трёх – в Чумницу. За отсутствием кормильца в семье мать решает объединиться с сёстрами в Вагино. Там они прожили больше года. Долше не позволило остаться непонимание, возникшее между ними и вагинцами и обусловленное разницей в менталитетах. В остальных же случаях местное население к переселенцам относилось лояльно. Со временем на национальность вовсе перестали обращать какое-либо внимание.

Далее Гисвайны отправились в Чумницу, и там прижились. Но благополучие длилось недолго: в 1947 году умирает мать, и маленький Александр остаётся в семье за взрослого. Чтобы детей не развезли по детским домам, Сашу заставили написать расписку о том, что он обязуется проживать с детьми до наступления их совершеннолетия. Сестры матери могли помочь немногим, так что Саше пришлось зарабатывать хлеб для семьи самому. Подросток работал не покладая рук, и ему доверяли не только колхозные работы. Он также был и почтальоном: разносил письма и денежные пособия вдовам в деревни колхоза. Позже при работе в поле молодому Гисвайну доверяли и технику.

Однажды в Чумнице

Односельчане, для которых Александр Августович – неоспоримый авторитет, рассказали нам, как ещё парнем он спас колхозных коров от падежа в Чумнице. Зимой на ферме

закончилось сено, а привезти с поля не могли, потому что оголодавшие лошади обессилили. И тогда молодой Гисвайн предложил прогнать стадо через заснеженный лес на летний культстан, где с осени осталось много копён соломы. Сказано—сделано. А весной стадо, благополучно перезимовав, вернулось в деревню.

В ПРЕДСЕДАТЕЛИ!

В 1966 году, учитывая, что Александр Августович приобрел хороший опыт организаторской работы в сельском хозяйстве, его избирают председателем колхоза «Искра», то есть того колхоза, что был создан из бывшей бригады колхоза «Новая жизнь». Под руководством Александра Августовича Гисвайна колхоз «Искра» стал одним из ведущих хозяйств Красноярского края. А сам Александр Августович стал Почетным гражданином Казачинского района.

с. Матвеевка Казачинского района, 2016 г.

*А.А. Гисвайн,
председатель колхоза «Искра»*

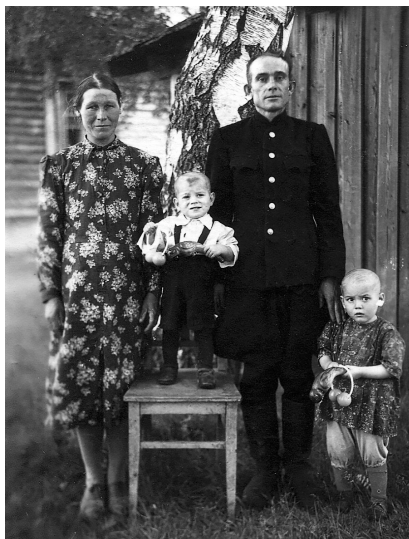
*А.А. Гисвайн – почетный
гражданин Казачинского
района*

Александр Августович Гисвайн (справа). д. Чумница

Август Гисвайн

*Август Гисвайн с новой семьей
(в трудармии)*

СООБЩЕНИЕ ГОВЕЛЛЕР МАРИИ АВГУСТОВНЫ

Говеллер Мария Августовна (в девичестве Бунден) родилась 31.03.1930 в с. Кнадентаун Саратовской области.

Отец: Бунден Август Иванович, год рождения 1905. Род деятельности – электрик и машинист. Первым в с. Дудовка провел свет. Отливал из алюминия ложки (респондентка говорит, у нее отец был на все руки мастер).

Мать: Бунден Анна Карловна (в девичестве Майер), год рождения 1904. Род деятельности – работала в овощеводческой бригаде, дояркой в колхозе.

Дети:

Август Августович Бунден, 1927 года рождения;

Лидия Августовна Бунден, 1929 года рождения;

Мария Августовна Бунден (наша респондентка); 1930 года рождения;

Клара Августовна Бунден, 1932 года рождения;
Ольга Августовна Бунден, 1935 года рождения;
Полина Августовна Бунден, 1939 года рождения.
Карл Августович Бунден, 1941 года рождения.

«ВЫ БЫ ЗНАЛИ, КАКИЕ ХОРОШИЕ ПЕСНИ»...

«У нас был саманный дом, двухкомнатный. Хозяйство небольшое – гуси, коровы, овцы, куры... Да как у всех. Перед тем как нам уезжать из дома, катались вечером на лошади (откуда мы знали, что такое нас ждет), песни такие красивые пели, а мы заходим: «Мама! Вы слышали, как поют?»

А мама плачет. А мы спрашиваем: «Что такое, мама?»

Потом сообщили: «Собирайтесь! Увезут вас». В вагоны посадили и повезли.

Везли всех кучей, у нас папы не было рядом, мама с нами одна ехала и бабушка.

Мама успела до отъезда мяса накрутить, котлет нажарить, курей растербанить. Вот сколько дали – три, два дня – не могу сказать. Все растербанили, залили и зажарили, положили в ведра и залили жиром, чтобы не испортились по дороге. Нас везли суток пять... Не помню точно.

В пути

Поезд, бывало, останавливался, мама один раз опоздала, на хвост села, махала-махала, и ее подхватили. Потом она по вагонам бегала.

– Мама! Мама!

А мамы нет, мы одни, ой, что было! Бабушка говорит: «Не плачьте, сейчас мама придет». И правда, мама зашла...

Вы вот у меня про санитарные условия в дороге спрашивали. Никаких условий не было, у каждого свои горшки были, если захотел по какому-то, отвернись! Встань в уголке и справь нужду. Остановятся, вынесут. Никаких условий, сталинские твердые условия!

Собирались, не думая, и все там, некогда было. В вагоны нас как скот загнали, в общие вагоны куча на куче, второй тут, третий тут, ну забито. Вот тут и думать начали: куда и что... Потом, когда приехали в Красноярск, погрузили на баржу. В залив нас привезли. Ну и распределили кого куда по всем деревням. Мы с родителями, еще тетка, еще две семьи, направили в Гамурино к татарам...

А здесь что мы видели?

Что я помню? В школу надо было ходить, если Август с Лидией пойдут в школу, а потом не придут, то мне нечего было надеть. Бедно жили... (респондентака тяжело вздохнула). Мы отмечали Пасху, Рождество, но там елок не было, собирали полынь и их сухими ставили и наряжали. (Скорее всего, она вспоминает жизнь до депортации). Приходили мы к родне, там Дед мороз и Снегурочка были, ну и нас наказывали, если вдруг что-то натворили: «Вот, ты будешь кусать цепь!» (здесь речь идет о чисто немецких персонажах – Пельцникеле и Крискинде, которые не только поощряли, но и наказывали в канун Рождества и Нового года).

Из дома я ничего такого не помню. Один раз только папа меня брал собой, тогда кукольный театр был, папа сам делал кукол, и мы выступали. Вот это я помню. Куда бы он ни шел, он меня всегда брал с собой.

А здесь что мы видели? Тараканы, клопы. В Гамурино в 1941 году выслали, и что мы там видели? Как кончились продукты, был холод и голод. Ничего не видели, веселья тоже не видели. В 1945 году приехали в Дудовку. Мне тогда 18 лет было, и сразу же я пошла на работу. Что я делала? Рожь косила на покосах, в лесу дрова пилила, овес совхозный собирала, сено собирала, на заводе работала, картошку бланшировала, еще и дояркой работала. Некогда было веселиться, работы много было в военное время. Но мы с девочками пойдем после работы, палочки возьмем, огороды все жердью огорожены, вот играешь этими палочками и поешь.

Ой, песни мы всякие пели, на покос особенно когда едешь. Три бригады было, пара лошадей у каждого, брат Август, Франц и Сандр наперегонки, у них своя команда, у нас своя, кто больше всего накосит, кто больше всего зародов поставит. Каждая бригада была отдельная. Мы оставались там ночевать, к нам, правда, приезжали, еду привозили. Жерди ставят, на этот балаган и зарод ставят, и мы там спали».

«Мы когда приехали, были только татары, немцы и чувашши, они по-русски не понимали, а мы по-ихнему не понимали. Мы на ворота залезем, говорим по-немецки. Девушки-татарки как увидят нас, так бросали коромысла, убегали, говорили, что мы немцы, что нас привезли и что мы людей едим. Был тут один, ему один раз хорошенько поддали: «Ты чуваш, тебя не обзывают чувашом, почему нас фашистами называешь?» Вот что было в Гамурино.

Когда приехали с армии старики, вот тогда уже легче стало. Языка я не знала, я даже не училась-то, мне некогда было. А учила я на работе, в коллективе же русские, вот так и выучила... Когда я пилила дрова в лесу с дядей Тарасом, обувь нечего было попервости, когда мы приехали. Возьмешь тряпку или мешки, газету, бумагу любую, завернешь ноги, закутаешь веревками и идешь и пилишь. «Ой, доченька, когда пилишь-то, качаются ноги, а когда складываешь — нет. Побегу — нагрēju, приду. А он колет, колет, а мое дело складывать. И лапти носили. Что хорошего?

«А папа еще и в трудармии был. Он там выполнял работу по своей специальности электрика. А мы с мамой ездили в Свердловск, он нам показывал вот такие камни на берегу (респондентка имеет в виду большие и тяжелые булыжники), вот такие они катали вместо фундамента и соединяли. И он говорит, вот что мы делали в трудармии!».

«Был один... как его только люди ни называли»

«...каждый месяц мы отмечались, и были разные коменданты. Был один, как его только люди ни называли. Но его

черви сточили, умер когда – вредный был. Вот в Казачинском до сих пор живы Четиркин и Коробкин. Они фронт прошли, ну что вот про них скажешь? Хорошие были. Мы можем по одной идти и за всех расписаться. А у Семенова! Вот он собирал женщин – мама, тетя Лида была и еще кто-то. Он на лошади едет на покос. Семенов не пускал никуда, штраф давал. Брат женился, когда еще комендатура была. Он был в Казачинске, вовремя не пришел, и тот его оштрафовал. Заставил идти отдавать штраф, пешком до Казачинска. Семенов не разрешал бабушкам собираться петь божественные песни, и он разгонял их».

«День смерти Сталина? Помню, а чего... Мы как раз были на скотном, и космычонок Борька въехал, такой красивенький, кучерявенький, приехал и плачет. А я говорю: «Что, цыганенок, плачешь? Что с тобой случилось?» А он говорит: «А че, вы не слыхали? – Сталин умер!» А я говорю: «Ну подумаешь, ты же его не видел, а зачем плачешь? Плачут, когда видят человека – умер, жалко его, а мы же его не видели». Тетя Тася вышла и сказала: «Че, че ты сказал, ну-ка, цыган, говори? А он говорит: «Не буду я больше плакать».

«Я вышла в замуж в Водорезово. Ну какая свадьба? Мало-мальски так пригласили, были еще не так сильно богаты. Платье из сатина сшили, такая бледно-розовая ткань, фату мне тетя Катя сплела из воска. Приданое говорите? Ой! (смеется) Небольшой ящикек, там все приданое было: два платьица да рабочие штаны. Краситься я никогда не красилась. Вот, помню, только раз. У нас был *амарант*, ну, краска, кисель красит которая. Ну что мы, возьмем, доярки идут в пять часов, я возьму бумагу, разрежу, в зубы вставлю, углем брови наведу. И пугала – вуууууу. Бедная, один раз тетя Тася упала, я этого больше не стала делать, она говорит: «Тебя посадят». (респондентка смеется).

с. Дудовка Казачинского района, 2017 г.

СООБЩЕНИЕ ГОРОДЕЦКОЙ ЭММЫ ЯКОВЛЕВНЫ

Эмма Яковлевна Городецкая родилась 24 октября 1922 г. Проживала в Саратовской области Каменского района в с. Grimm. Состояла семья из 6 человек: двое взрослых (кузнец-отец на тракторном заводе, домохозяйка-мать), 4 детей – два брата, две сестры.

На судьбу Эммы Яковлевны выпали две репрессии.

В 1932 г. семью Эммы Яковлевны раскулачили во время коллективизации. Хозяйство: 3 лошади, 3 коровы, домашняя утварь – все забрали. Снимали даже наличники с окон, выворачивали половицы и проверяли, не спрятано ли зерно. В 1933 г. голод настиг и семью Эммы Яковлевны. Впоследствии зимой 1933 г. на селе была невероятно высокая смертность.

Голод, СТРАШНЫЙ, СМЕРТЕЛЬНЫЙ, БЕСПОЩАДНЫЙ...

«...Бабушка-соседка сожгла весь свой дом, даже крышу. Я видела своими глазами, как эта бабушка держала над дымоном черную кошку и грызла ее», – рассказывала нам Эмма Яковлевна.

«...От бессилия и от голода отнимались ноги». Эмма Яковлевна вспоминала те ужасные времена. Эмма Яковлевна и ее брат не могли ходить. «...Может, я и сберегу пацана, по зернышку, по корочке», – говорил муж сестры Эммы Яковлевны, забирая с собой 2-х летнего сына. Но через две недели Эмма Яковлевна узнала, что мальчик от голода объел все мясо со своих рук и вскоре умер. В этот же день, узнав о смерти своего ребенка, его мать сошла с ума и умерла. На этой же неделе умер от голода 19-летний брат Эммы Яковлевны. Вслед за ним умер и последний 9-летний брат Эммы Яковлевны. За тот период в семье Эммы Яковлевны умерло четыре человека.

ДЕПОРТАЦИЯ

«... В селе Grimm почти не осталось пустых зданий, все они были заняты войсками СССР. Гора, расположенная недалеко от села, была всю ночь освещена фарами машин», – со слезами на глазах вспоминает Эмма Яковлевна тот момент, когда пришли их выселять. На сборы не дали ни секунды. Вскоре все население с. Grimm было на берегу Волги. Под конвоем их завели на баржу.

«... Одно было хорошо – в дороге кормили совсем неплохо, но в барже было очень тесно и душно», – вспоминает Эмма Яковлевна. В дороге было несколько остановок, во время которых их заставляли загружать в вагон соль. После их пересадили в поезд. В дороге они находились в товарных вагонах до прибытия в Нижний Ингаш, где Эмма Яковлевна пробыла несколько месяцев. В Нижнем Ингаше их – три-четыре семьи – поселили в клубе. Кормили вполне сносно.

Через несколько месяцев их переправили на барже в Пономарево. Сосланных людей здесь называли фрицами. Здесь семья Эммы Яковлевны отмечалась в комендатуре каждую неделю. Работала Эмма Яковлевна в рыбацкой бригаде. Работали на рыбзаводе, поэтому могли приносить немного домашней еды и делиться с остальными членами семьи.

22 июня 1944 г. Эмма Яковлевна бежит в д. Фомку, потому что её семью перевели на спасение двух барж с зерном и запчастями, называемыми чушками. Эмма Яковлевна упросила оставить ее в совхозе на Фомке. Позже, в 27 лет, она начала работать учительницей немецкого языка (там, на Волге, она закончила педагогическое училище).

К тому времени она познакомилась с Иосифом Ивановичем Городецким (украинцем, сосланным в Сибирь после концлагеря) и вышла за него замуж. А до этого со своим будущим мужем она жила в одном бараке по соседству. Разделенные гнилой стеной, они сначала перестукивались, потом стали переговариваться...

В 1956 г. ее реабилитировали. В 1962 г. Эмма Яковлевна переезжает в Ярцево и работает в бухгалтерии. Она хорошо говорит по-немецки, читает, переписывается с иностранцами (Швейцария, Германия), которые поддерживают ее материально. Эмма Яковлевна обучила трех девушек немецкому языку на дому.

с. Ярцево Енисейского района, 2004 г.

СООБЩЕНИЕ ГРАФЕЕВОЙ ЭММЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ

Эмма Александровна Графеева (Ибе) родилась в городе Энгельсе Саратовской области 21.07.1940 г. Ее родители – Александр Генрихович и Лидия Готлибовна – приехали в Россию до революции. В Поволжье, в г. Энгельсе, поженились. Отец занимался бухгалтерскими делами, мама – домохозяйкой и четырьмя детьми: Александром, Виктором, Владимиром и Эммой.

Семья стояла крепко на ногах.

«У нас был большой каменный дом, где имелся сад». Эмма Александровна, к слову сказать, так никогда и не видела своей малой родины. А вот братья – Владимир и Александр – ездили после снятия со спецучета вместе с отцом в родные места. Разрешалось совсем уехать, если цел дом и целы документы, то можно было вообще ехать на Волгу и

жить там. Отец приехал с сыновьями в Энгельс, а их сначала даже на порог не пустили. Хозяин дома сказал: «Вы приехали как бароны, а нас выкинуть на улицу хотите?» Отец объяснил ему, что приехал показать своим детям, где они раньше жили, где родились». Хозяин после этих слов пустил отца и братьев и был очень гостеприимен.

А задолго до этого, в августе сорок первого, семью Ибе депортировали не просто в Сибирь, а в один из отдаленных уголков Енисейского района – д.Фомку, что в 20 км от Ярцево. Добирались долго – по железной дороге через всю Россию, по воде – через Красноярск, Енисейск... Добрые люди не дали им умереть с голоду в пути.

В Фомке в то время среди населения преобладали спецпереселенцы, ссыльные. Среди них были люди разных национальностей: русские, калмыки, евреи, татары... Немцев туда депортировали 20 семей! «Ночь провели в барже, на которой добрались. А наутро собрались на берегу местные посмотреть на нас: интересно же было, все перешептывались в недоумении. Почему ничего не видно, куда они их спрятали? Пусть разденутся, мы на них посмотрим». Нас в деревне встречал некто Щукин. Никто не хотел пускать нас к себе на квартиры. Люди все отказывались, возмущались: «А вдруг у них рога растут, а их не видно, пусть разденутся, покажут». Даже грудных детей заставляли раздеваться, чтобы народ пощупал ноги, руки, голову в доказательство того, что мы нормальные люди. И так целый месяц мы просыпались, а они над нами стояли, под одеяла заглядывали, все думали, что мы колдуны какие. Жили мы у какой-то хозяйки, спали на полатах. Нам еще повезло – хорошая хозяйка досталась. Не всем так повезло: другие люди сильно обижались. Было такое, что ребяташки русские воровали картошку из ямок и звали нас с собой (нам-то интересно), а потом на нас говорили, что это мы сделали. После чего стали приходить ночью и проверять, не украли ли мы чего.

Так украденное стали находить у местных. Был в деревне большой колхоз, там выращивали маленьких поросят на откорм. Так местные пуще стали воровать под предлогом, что это немцы делают. Председатель колхоза прознал, стал дежурить и поймал их всех. Он к нам пришел и говорит маме: «Лида, пойдешь в свинарник работать». Она согласилась. И строго-настрого наказал:

«У тебя дети голодные, пусть они там едят, но чтобы от туда ничего не выносили, ни крошки!»

Эмма Александровна с теплом вспоминает о калмыках, тоже сосланных в Фомку, как о добродушных, отзывчивых людях, которые по непонятным никому причинам никак не хотели переселяться из землянок в дома. Братья Эммы Александровны учились у местных ловить рыбу, охотиться.

Отца, как многих мужчин немецкой национальности, забрали в трудармию под Красноярск, куда-то на железную дорогу. Александр Генрихович сумел предотвратить диверсию на железной дороге, но очень пострадал – ему отрезало стопу. Его досрочно отправили домой. А вскоре семья переехала в Ярцево, где отец стал работать бухгалтером. Эмма Александровна очень благодарна государству за заботу об отце: «Хочу сказать спасибо большое государству за то, что каждый раз в год папе меняли протезы, все бесплатно в Красноярске делали». В Ярцево наша респондентка проучилась до 4 класса. И чем дальше, тем больше стирались границы между местными и немцами. Местные ребята, вспоминает Э.А., просили их «научить разговаривать по вашему языку».

Были в жизни семьи Ибе и радостные дни: «Отмечали праздник Новый год по немецким традициям с 24–25 числа декабря. Мама стряпала кребли. Родители дарили пряники и птичек. Когда праздник, все люди собирались, пели песни, стихи рассказывали только на немецком языке. Когда все немцы соберутся, приходит Руприх и Крис-кенте. Как

я помню, брали с собой они большую корзинку, в которой, кроме подарков, был лук. Каждый ребенок должен рассказать стихотворение и спеть песню. Если им понравится, они дарили подарок, а если нет, наказывали клюкой. Мой братишка научил меня нехорошему стихотворению и велел рассказать его Руприху. Я так и сделала. Руприх и Крис-кенте застучали палкой на меня и сказали: «Мы тебя наказывать будем, не будет тебе подарка». Я быстро спряталась за койку и давай плакать горько-горько. Они поняли, что это меня кто-то научил, а не я сама, и дали мне шоколадку».

На вопрос, помнит ли она день смерти Сталина, Эмма Александровна ответила утвердительно: «Помню этот день, а как же? В комнате работало радио, мама белила потолок со стола. И вдруг она упала. Я с испугу подбегаю и спрашиваю у нее, что же случилось. Она что-то сказала по-немецки. А когда я стала переспрашивать, она сказала, что лучше мне этого не знать».

Вскоре семья Ибе переезжает в Енисейск, где недавно открылось ФЗО. Там получили профессию тракториста братья. Эмму никуда не взяли на учебу из-за ее национальности. По этой причине, считает она, не взяли и в художественное училище г. Красноярска. Пришлось идти работать на лесозавод.

Хоть предки, родственники Эммы Александровны и живут в Германии, уехать туда она никогда не хотела: «В Германии мне никогда не хотелось жить, папа говорил, что мы теперь русские. А там ни поругаться нельзя, ничего. Есть у меня большая обида за то, что сослали нас в Сибирь, оторвали от дома и не дали образования. Немецкий язык, к сожалению, я стала забывать. Осталось в Енисейске только одно общество российских немцев, куда я периодически хожу».

Эмма Ибе с сестрой

Эмма Ибе, ученица ярцевской школы

Эмма Ибе, г. Енисейск

Эмма Ибе, с. Ярцево

Эмма Ибе (первая слева)

Из личного архива Эммы Ибе

Из личного архива Эммы Ибе

Из личного архива
Эммы Ибе

Эмма Ибе с братьями

Семья Ибе (Эмма во втором ряду в центре)

Работники фермы д. Фомка Енисейского (Ярцевского) района

Из личного архива Эммы Ибе

СООБЩЕНИЕ ГРОМОВОЙ ЭЛЛЫ ГОТЛИБОВНЫ

Родилась Элла Готлибовна Громова в селе Фурманово Энгельского района Саратовской области. В этом селе проживало только немецкое население.

Маму звали Шефер Фрида Петровна, она работала до переселения в совхозе, на бахче. Отец, Шефер Готлиб Николаевич, также работал в совхозе.

ДЕПОРТАЦИЯ

Депортировали в 1941 году, когда Элле Готлибовне было всего лишь два месяца. Переезд, естественно, не помнит, но знает немного со слов бабушки. Позволили взять с собой вещей не больше двадцати пяти килограммов, собрать все за двадцать четыре часа надо было. В числе вещей они взяли прялку, которая сохранилась до сих пор. Переезд длился почти месяц на товарном поезде. Их привезли в Пировский рай-

он, село Троица, где их подселили к семье Усковых. В этом селе проживала целая улица немцев. По воспоминаниям Эллы Готлибовны, эта улица была чистая, зеленая. После переезда имущество, оставленное на месте жительства, не было возмещено. Были документы, написанные на отца на возмещение имущества, но бабушка не дождалась и выкинула их.

Бабушка по линии матери заменила Элле умершую мать. Когда брату было четыре года, он заболел неизлечимой болезнью и мама пошла в больницу его навестить, но тоже заразилась. Оба умерли в 1944 году, когда Элле Готлибовне было два годика. Тогда Фриде Петровне было всего лишь тридцать лет. Отец умер также в 1944 году в трудовой армии.

Элла Готлибовна вспоминает, как они жили вместе с бабушкой и теткой. Взрослые женщины работали на полях и жили там, бывало, неделями. В эти дни она что-то варила, занималась домашними делами. В Троице существовало пренебрежительное отношение к немцам только со стороны старших, пожилых людей. Но ее сверстники никогда не обижали прибывших немцев. В этой деревне все сдавали налоги: яйцо и масло. Одна женщина, которая проживала в этой деревне, за неимением хозяйства не платила налоги. Ее несколько раз сажали в тюрьму.

Бабушка Эллы Готлибовны всегда ходила во всем черном, в трауре, по нескольким причинам. Первая, и самая главная – это потеря многих родственников, в том числе двух мужей. Еще бабушка часто вспоминала, какой добротный двухэтажный дом и большое хозяйство они оставили в Фурманове.

Школьные годы

Окончив четыре класса в начальной школе, Элла уехала учиться в Беликово, в интернат-десятилетку, где учились и русские, и немцы. В интернате к немцам не было пренебрежительного отношения со стороны сверстников, никто не

обзывал её «немкой» или «фашисткой». В этой деревне был магазин, в котором покупали учебники, тетради и промочапки.

В детстве у Эллы Готлибовны была подруга Зина, купеческая дочь, ей было одиннадцать лет. Очень хорошая семья была, добрая, отзывчивая. Они относились к немецкой девочке как к своей дочери. Гладили по голове, носили на руках в баню, сами мыли; поили и кормили.

В школьные годы, и не только, Элла была очень бойкой девушкой и часто проказничала. Например, она с другими девушками часто подвешивала колокольчики на ставни домов. И когда дул ветер, звон этих колокольчиков вводил в заблуждение, пугал хозяев.

В интернате наша респондентка сначала стала пионеркой, а затем и комсомолкой. Бабушка не хотела, чтобы внучка вступала в комсомол, потому что комсомол ассоциировался у нее, в первую очередь, с Зоей Космодемьянской, которая отдала свою жизнь за Родину. И бабушка боялась, что ее единственная внучка, круглая сирота, может поступить так же. Характерная Элла вступила в комсомол тайком. В то время была очень интересная мода: девушки носили платья с рукавами «фонариками» и юбки с клиньями.

В четырнадцать лет Элла бросила интернат, пошла работать в колхоз телятницей. Работали, в основном, немцы — русские не хотели работать. Зарплату уже выдавали деньгами, но девушка сама никогда не получала деньги, за нее это делала бабушка. Работали в колхозе с четырех утра до девяти вечера. На обед ходили в соседнюю деревню, где было поближе. Передовиков труда нередко награждали.

Проработав пять лет, Э.Г. сбежала в Енисейский район и пошла работать на лесоповал. Теплую одежду не выдавали, приходилось покупать самим на заработанные деньги. Проработала там недолго и уехала затем в Абакан учиться на пекаря. После устроилась работать в пекарню в Ворск.

Проработала двадцать лет заведующей пекарней. Село стало разваливаться, не было школы, чтобы учить детей, и они были вынуждены переехать в Новокаргино.

Тетя Эллы Готлибовны, тоже депортированная в Пировский район, встретила там свою судьбу – москвича-«влазовца», от которого отказалась его московская семья. А тетя была рада и счастлива.

Бабушка дожила до девяноста лет. До конца своей жизни она помнила немецкий язык и то, что «Сталин губил всех, и немцев и даже русских, ругала такую плохую жизнь, которая ей досталась».

«..ТИХО ПЛАКАЛИ»

В 1953 году умер Сталин. В интернате отменили занятия, учителя и дети плакали на линейке, где им это и сообщали. Из знакомых не плакала только бабушка. Она просто повернулась и ушла, когда Эмма сообщила ей эту новость. Бабушка, по словам внучки, очень сильно боялась даже после смерти Сталина в семье обсуждать различные вещи, все «тихо плакали».

ВОСПОМИНАНИЯ ДЕТСТВА САМЫЕ ЯРКИЕ

«Никак не могу забыть судьбу соседской Шуры. Она была очень сильно влюблена в немца Витю, который отвечал ей взаимностью. Но мама Вити была против этого брака. Обе матери решили, что Шуру лучше отдать замуж за другого парня, и, поехав в соседнюю деревню, нашли ей мужа. На свадьбе Шура просила позвать Витю, чтобы попрощаться. Но Витя собрал чемоданы, сказал матери обидное и колкое, что никогда она больше его не увидит, и уехал. На пятнадцать лет. Уже с семьей потом он вернулся. А Шура после смирилась, муж попался очень хороший, и у них родились дети. Непьющий муж попался».

«А еще я всегда вспоминаю портрет мамы. Я ведь только

в девять лет узнала, что бабушка на самом деле не мама мне, несмотря на это, я до конца ее дней называла мамой. В доме был портрет мамин, и я, не зная того, очень часто просто подходила к нему и плакала. Просто стояла у портрета и плакала. Но мне всегда казалось, что меня кто-то оберегает, кто-то рядом находится со мной. Говорят, такое чувствуют все сироты».

«Помню, как однажды один мужчина захотел съездить на родину, посмотреть, что стало с оставленным там домом. Не спросив разрешения у властей, он уехал. И его из-за этого потом чуть не посадили в тюрьму. Приехав в родные края, он увидел, что в домах, где до выселения жили немцы, сейчас живут русские, в том числе и в его доме. Новые хозяева, увидев его и узнав, зачем он приехал, вышли с ружьём и чуть не убили его. Во как!»

с. Новокаргино Енисейского района, 2008 г.

СООБЩЕНИЕ ДАМЕР КЛАРЫ ИВАНОВНЫ

Прохорова (Даммер) Клара Ивановна, 1938 г.р., уроженка села Найбайдел Саратовской области.

Родители работали в колхозе. Семья жила в кирпичном доме. Держали большое хозяйство: коров, свиней, овец. Был большой огород. Отец, Даммер Иван Петрович, также уроженец с. Найбайдел, родился в 1908 году. У отца образование три церковных класса. Мама, Мария Яковлевна, родилась в 1907, была безграмотна, чуть позже научилась ставить роспись. В семье было четверо детей – четыре девочки. На данный момент одна сестра живет в Галанино, другая в Казачинском.

В сентябре 1941 года всю семью депортировали. На момент депортации Кларе Ивановне было три года, к сожалению, она мало что помнит.

Из вещей они забрали, по рассказам старших, с собой только то, что на них надето, посуду и немного муки. Хорошо помнит, как их перевозили на поезде и на остановках отец выбегал из вагона с чайником за кипятком или просто водички набрать. В вагонах было очень много народу.

Зиму 1941 пережили в Челноках (Казачинский район). Отец был механизатор хороший, его отправили в Вороковку молотить зерно. Были машины «молотилки», комбайнов не было. Ему тут очень понравилось, и он вскоре перевез туда всю семью.

«В 1942 году папу отправили в трудармию и четырех его братьев вместе с ним. Из пяти братьев в живых после трудармии осталось только двое – папа и брат его младший. Три брата умерли от голода. В трудармии много людей погибали от голода. Мама стряпала, сушила сухари и отправляла отцу, она всячески поддерживала его, понимала, как там тяжело. Отправляла не только сухари, но и посылки. Мама отправляла отцу письма, почта работала хорошо, и письма всегда доходили. К сожалению, на данный момент эти письма не сохранились. После того как отец приехал, он рассказывал: «Повезли нас картошку перебирать и строго следили, чтобы никто не имел возможность своровать, а кушать ведь тогда нечего было. Но все же они нашли способ, как вынести хоть немного. Мы разрезали картофель на половинки, прикладывали к ноге и все это обматывали обмотками (портянками), так и выносили».

«Папа дожил до 70 лет, а брат его младший – до 90. У мамы было три сестры, одну сестру с четырьмя детьми и мужем депортировали в Казахстан, где они и умерли от голода. Дети были отправлены в детдом. Связь с ними мы так и не наладили, и о дальнейшей их судьбе нам ничего неизвестно».

Другая сестра была депортирована на Алтай, позже она вместе со своей семьей приезжала к ним в гости, и связь

поддерживали, пока мама Клары Ивановны была жива. Бабушка Клары Ивановны по маминой линии умерла еще до войны, а отец жил в другом селе, откуда его также депортировали. Его поместили не в тот вагон, в котором ехала семья Даммер, поэтому и отправили в другое место. О его дальнейшей судьбе ничего неизвестно.

«Отец пробыл в трудармии 10 лет. Побывал в Новосибирске, в Комсомольске-на-Амуре, в Томске и Свердловске, в Хабаровском крае. Валили лес и строили в городах. В 1952 году отец вернулся, как написано в справке, на соединение с семьей. На тот момент мне было 14 лет. Жили трудно, очень трудно. Ваше поколение даже не может себе представить. У нас не было своего дома, даже уголка своего не было. Где-нибудь освободится местечко – мы туда. Потом приходили хозяева, выгоняли, идем к кому-нибудь на квартиру, так и маялись до 1952 года, пока не вернулся из трудармии отец, бегали от угла к углу. Потом одна семья уехала в город, мы заняли их дом, впоследствии мы этот дом выкупили. Это и был наш первый дом. Нам постоянно помогали соседи, где-то советом, где-то сочувствовали. Не оставались безучастными. К нам хорошо относились в деревне, маму уважали за ее характер, хорошая мама очень была. Народ был хороший в то время, воровства не было. Мама все продавала, обменивала на хлеб, на картошку, на что угодно, только чтобы выжить».

«На момент депортации я уже говорила, понимала оба языка. Сейчас я не помню уже немецкого. Когда мама была на работе, с нами некому было сидеть, вот и находились мы дома одни – ни мамы, ни бабушки. Мама с Саратовской области привезла много посуды, которую мы в годы войны переклопотили, будучи маленькими.

В школу ходила первые четыре класса, потом просто ходить не в чем было. Обуви у меня не было, и меня спасало то, что школа недалеко была. Босыми ногами перебежишь

улицы, вот ты и в школе. В нашей школе в кабинете была железная печка, тепло было. Так вот на перемене вместо игры всем классом, ребяташками, окружим эту печку, погреемся и обратно за парты.

Весной играли на улице в лапту, когда на южной стороне снег уже растаял, а на северной еще есть сугробы. Собирались детворой и босиком играли, много было игр. Зато зимой все по домам сидели. Шло время, наше положение улучшилось, обувь появилась.

Работать я начала с 14 лет: косили, пололи, копнили – все сами. Когда мне исполнилось 18 лет, устроилась на ферму работать дояркой и проработала 28 лет».

Мама Клары Ивановны была удостоена медали за трудовую доблесть.

После реабилитации на родину не ездили, так как село, в котором они жили, и близлежащие селения ликвидировали. 15 лет назад им возместили ущерб в размере 3000 рублей.

с. Вороковка Казачинского района, 2014 г.

СООБЩЕНИЕ КУЗНЕЦОВОЙ ЭЛЬВИРЫ КОНСТАНТИНОВНЫ

Моя респондентка Кузнецова Эльвира Константиновна, 1955 года рождения, знает о депортации со слов своих родственников, преимущественно, по линии её матери. Отец почти не делился воспоминаниями о тех временах, но известно, что сам он – Гисвайн. Его старший брат Александр Августович Гисвайн, ныне проживающий в Матвеевке.

До депортации жили в Саратовской области в селе Кельха. Дед работал трактористом, был бригадиром. Также изготавливал колбасы в колбасном цехе. Имели хорошее хозяйство, двухэтажный кирпичный дом, дети были хорошо одеты. Из тогдашних традиций сохранилась, в основном, кухня (немецкие галушки, колбаса, лепёшки) и Рождество. Бабушка всю свою жизнь была набожна. Была лютеранкой и посещала лютеранскую церковь, имеющуюся в том селе.

О том, как село Кельха встретило новость о депортации, ей известно мало. Знает только, что в то время на всю деревню стоял страшный рёв: ведь людям дали всего 24 часа на сборы. А по их завершении как заключённых посадили в товарные поезда, на которых и добирались до Сибири. В товарниках на окнах стояли решетки. Смертность была высокая, с трупами особо не церемонились – просто выкидывали прямо по дороге. Так ехали до Енисея, чтобы потом пересечь на паром и по реке добраться до Галанино.

При распределении семья Дамеров попала в деревню Мынгалы. Сразу выдали старенький домик, но не всем. Дамеру Петру Петровичу, например, пришлось жить в землянке с четырьмя детьми.

Местные переселенцев принимали по-разному, но это не мешало им работать на равных правах (они валили лес) и даже дослуживаться до бригадиров, как, например, дед респондента. От работы из депортированных никто не отказывался.

Позже некоторые родственники были отправлены в трудовую армию на Урал. Говорить о ней не любили, как Иван Петрович, например, но его брат Пётр вспоминал, что работали там на износ и кормили при этом плохо.

О системе надзора за депортированными Эльвире Константиновне известно совсем немного. Знает только, что приходилось отмечаться и что не порицали за сохранение немецких традиций или незнание русского языка, к этому относились с пониманием. Многие в семье поначалу вовсе не знали русского, но позже понемногу научились говорить, хоть и с сильным акцентом. Возможно, это создавало некоторые проблемы в общении с местными. Не все сразу приняли переселенцев, хоть со временем и притёрлись друг к другу.

Из одежды семьи были, например, юбки «в татьянку», жакетки. Одежду шили сами. Если что, могли помочь и местные. Косметику почти не использовали. В качестве со-

временной плойки, например, использовали гвóздики. Их разогревали на печке и наматывали на них пряди волос.

В школу, бывало, ходили по очереди, если не хватало чего-то из школьных принадлежностей или одежды. Также из-за отсутствия тёплой одежды были проблемы с посещением школы зимой. Учительница начальных классов была одна на всю деревню и вела занятия одновременно у нескольких классов. Вспоминая свою учительницу, Эльвира Константиновна отмечает, что дети очень уважали её, она была очень вежливой, считали её идеальной, брали с неё пример. Сами дети проводили свободное время, играя в игры и напевая песни. Респондентку в школе обзывали «немкой».

Когда их реабилитировали, семья подавала в суд с целью получить денежную компенсацию, что увенчалось успехом. На родину решили не ехать, так как, по рассказам знакомых, там уже строили новую деревню, и все дома были заняты. От немецкой республики ничего не осталось.

Сама Кузнецова Эльвира Константиновна чувствует себя немкой. Гордится и везде отмечает свою национальность, хоть и признаётся, что языка не знает. Как «немецкие» черты, в себе отмечает пунктуальность и обязательность. Некоторые родственники со временем переехали в Германию, но связь с ними респондентка не поддерживает и что-то по их поводу сказать не может.

с. Казачинское, 2014 г.

СООБЩЕНИЕ ЖДАНОВОЙ НАДЕЖДЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ

Родилась в 1953 году в с. Ворогово Туруханского района. Мать – Цоль (Крамм) Мария Ивановна, 1927 г. р. Отец – Крамм Александр Эммануилович, 1927 г. р.

Жили в Саратовской области, в Бальцерском районе. После раскулачивания был ужасный голод, у бабушки Надежды Александровны, Амалии Адамовны Бренинг, было 11 детей, из которых осталось в живых четверо.

Депортированы в 1941 г. На сборы дали 24 часа. Скот весь оставили в посёлке, с собой взяли еду и личные вещи (постельное бельё, швейную машину).

Ехали на поезде. В дороге ничем не кормили. Первое время перебивались едой, которую взяли с собой, затем обменивали свои вещи на еду (бабушка оставила лишь швейную машину, она очень хорошо шила). К голоду и антисанитарии

добавилась эпидемия тифа. В дороге умирало много людей, особенно дети. Мёртвые тела заворачивали в простыни и на ходу выбрасывали в окно.

В октябре 1941 привезли в Ворогово. Сначала жили с подселением в семье, потом получили домик. Первую зиму жили очень тяжело, питались мёрзлым турнепсом. Родители были очень работающими: отец с 15 лет сапожничал, иногда за работу с ним расплачивались продуктами. Дед, Крамм Эммануил Георгиевич, пристроился конюхом. Мама устроилась на ферму дояркой. Со временем завели скот, занимались ловлей рыбы, разрабатывали огород. Папа был профессиональный кузнец, а мама очень хорошо рисовала, даже перерисовывала иконы.

К переселенцам местные жители относились с добротой. Кроме немцев, среди переселенцев были литовцы. Были смешанные браки.

На вопрос, как Надежда Александровна относится к депортации, она ответила: «Это очень неправильно. Бабушка всё время хотела вернуться назад, вспоминала про свои сады, где выращивала дыни».

Амалия Адамовна всегда разговаривала со своими родными на немецком языке, а они отвечали на русском. Она очень любила читать Библию на немецком языке.

Родители умерли в Ворогово: мама в 1980 году, а папа в 1999.

с. Новокаргино Енисейского района, 2008 г.

СООБЩЕНИЕ ИВАНОВОЙ МАРИИ ПЕТРОВНЫ

Иванова (Руди) Мария Петровна родилась в 1944 году в Казахстане, в селе Бара-куль, куда депортировали ее родителей – Руди Петра Андреевича (1910 г. р.) и Эмму Кондратьевну Кромм (1911 г. р.). Их предки приехали в Россию когда-то из Западной Европы. Бабушка была прислугой у богатых, а дедушка служил в армии и был музыкантом, слух у него был хороший. А в 37 году его расстреляли. До депортации жили в Саратовской области в селе Шейндорф (Красивое). Отец работал механизатором, а мама сидела с детьми. «Сколько ее помню, мама всегда была в работе. Я не помню, чтобы она просто так сидела: или что-то вязала, или шила, или починяла. И при этом она всегда пела немецкие песни. У бабушки такая церковная книга была, и мама от-

крывала ее и пела духовные песни. А в Поволжье она пела в церковном хоре».

Со слов родителей, Мария Петровна знает, что собирались в дорогу наскоро – ведь ненадолго, на несколько месяцев (так им сказали). Все хозяйство было оставлено – скот, дом... За него выдали справку. В Казахстане, куда их депортировали, частично «возместили» – дали несколько баранов.

БАРА-КУЛЬ

«Зиму пережили тяжело. Родителей с шестью детьми определили на квартиру к одной женщине, у которой своих было мал-мала меньше. А вообще детей у нас в семье было много: из одиннадцати родившихся выжили девять: Фридрих, Роберт, Сельма, Гермина, Роза, Мария, Эльза, Екатерина, Ида. Потом, когда наступило лето, вырыли землянку и жили уже своей семьей. Пол земляной, соломы настелят да и спали. Обычно спали по двое, по трое. В Казахстане с дровами проблема была, топили камышом. Он горит как порох и оставляет очень много золы. Внутри камыша идет такая тоненькая пленочка, так ты ее вытащишь, закрутишь, хлопнешь – вот тебе и забава. Игрушек-то особых не было. Помню, мама кукол нам сама делала. Возьмёт, перевяжет пеленочку в нескольких местах – и кукла получалась. Еще хорошо, когда в магазине мама покупала – были такие целлулоидные головы для кукол. Мать пришьёт ее к туловищу, и ею все играли. Была еще такая игрушка, мама ее называла цабальман: на стене висел человечек из кусочков дерева, к которому была присоединена веревка. Если потянуть или дернуть за нее, то у человечка поднимались руки и ноги. Помню, вот еще чем играли: когда животное заколют, от суставов оставались такие косточки суставные – бабки. Мы ими играли. Это было наше стадо: бык, корова, овечки. Это все развивало фантазию.

Да играть особо было некогда. Родители с детства приучали нас к труду. Тогда ведь печи топили кизяками. А мы,

ребятишки, летом бегали по полям и собирали кизяки – это была наша работа. С мешком, с тележкой. А еще мы по весне или осенью ездили, заготавливали ракиту. У нас пол земляной был, и раз в неделю, по субботам, этот пол мазался кизяками. Это как бы цементировало, скрепляло, не было пыли и грязи такой. А потом, помню, отец где-то раздобыл толь и покрыли пол толем. Это уже было достижение – можно было и подмести, и протереть пол...

Когда жили на Волге, родители пугали детей казахами почему-то (ну чем-то надо было пугать), когда не слушались: вот, смотри, казах с мешком придет и тебя заберет. А тут они попали к этим самым казахам. Разве думали, что попадем когда-нибудь к казахам?

Но в Бара-куле (Белое озеро) казахов было очень мало. Жили поляки, ингуши, украинцы, немцы, русские. И во Влазовке тоже. В нашем окружении было очень много украинцев, и мы невольно говорили на «гхэ», как и они же. Если произносили обычное русское «гэ», то говорили, что воображает человек. На хохляцком языке мы все и разговаривали.

Но детства никто у нас не отменял

И оно было. На Рождество к детям приходил Крискинд. У нас это была бабушка, мамина мама. Она наряжалась во все белое, вроде как с неба спустилась, и тонким голосочком начинала рассказывать религиозные рождественские стихи, песенку какую-то пела на немецком языке, и при ней обычно было какое-то угощение – прянички, конфетки. А на Крещение приходил Пельцникель. Он был жестокий. Обычно это переодевался мужчина, выворачивая шубу наизнанку. Он мог поколотить, если кто-то не слушался в течение года или баловался. На Пасху мама всегда яйца красила.

Мы какую-то траву собирали, в степи она росла, и она этой травой красила яйца. С вечера мы ставили каждый шапку на окно и форточку оставляли открытой, чтобы

зайчик мог в неё заскочить с подарками. Это заяц приносил, нам говорили, яйца эти, печенюшки. Вот мы утром, как проснемся, сразу бежали посмотреть, что принес зайчик. На Новый год в семье тоже существовала традиция – каждый ребенок должен был подойти к двери родителей ранним утром, постучать ногой в дверь и поздравить их с Новым годом на немецком языке. Праздновали и Троицу: с вечера рвали богородскую траву и раскладывали по комнатам.

В 1951 году мы переехали в соседнюю Власовку, где отец работал в МТС. Там папа построил дом саманный. А крыша сначала была из дерна, это потом уже покрыли железом. Тяжело жили, бедно. Помню, когда я пошла в первый класс, мне купили кирзовые сапоги и мальчишеское серое пальто. Но я была счастлива!

В семье всегда говорили на немецком языке. Мама до конца своих дней очень плохо говорила по-русски. Отец тоже говорил с акцентом. Мама ни падежей, ни рода не соблюдала. Например, спросят об отце, где он, она говорит: «Она пошёл на МТС». Отец 4 класса всего закончил, но он до 7 класса мог все задачи решать зачастую своим практическим умом. Мама вообще 2 класса закончила. Но было в ней что-то такое. Вот, например, несмотря на то, что жили впроголодь, несмотря на все тяготы, всегда с утра мама варила кофе из ячменя, и кофе пили с молоком, а вечером обычно пили чай. Это уж так было заведено у нас.

«Сдох людоед, сдох!»

Муж папиной сестры, когда они еще жили в Поволжье, занимал какую-то высокую должность. Как и многих тогда, его обвинили в чем-то и дали ему 10 лет лагерей. Так вот он рассказывал: «Когда сказали, что Сталин умер, вся тюрьма радовалась и кричали, что этот людоед сдох». А у нас в деревне некоторые коммунисты плакали. А день был

такой яркий, солнечный такой. Я в третьем классе училась, нас отпустили домой. Прошло буквально немного времени, и этого Сталина стали зачеркивать везде. А так-то я помню: учебники раньше газетами обворачивали, и не дай бог, если там портрет Сталина был. Или не дай бог в туалет пойдешь с газетой, а там Сталин... Так напугаешься.

ЗДЕСЬ – ТАМ

Село Шиндорф (Красивое), где изначально жили мои родители, мама всегда называла домом. И говорила: «Там, дома». А здесь, хоть и прожили всю оставшуюся жизнь, никогда не называла домом. Там, дома, всегда все было лучше, по ее рассказам: помидоры были лучше, лук был лучше, земля была лучше... И когда сестры стали переезжать в Германию, она говорила:

«Там не наша родина, там не наш дом. Наш дом на Волге. Там вы будете русские, чужие». Так оно и есть. Они там все равно считаются русаками. Она всегда говорила: «Это не наша родина, это не наше». А в семидесятом году они с отцом все-таки съездили туда, на Волгу, и после этого успокоились. В их доме уже жили, и все было не так. Все было разрушено, потому что, когда была немецкая автономия, были бахчи, система орошения. А потом это все стало заброшенным, ничего из прежнего не было. Да и немцев там уже не осталось.

СВОИ – ЧУЖИЕ

Мама всегда нам говорила, чтобы мы держались своей нации – фашистами никто не будет вас называть. Я после школы сразу уехала в Новосибирск. Сестра вышла замуж за украинца. Он ее увез туда, к себе. Так родители мужа говорили: «Только никому не говори, что ты немка. Ради бога! Только, чтоб никто этого не знал». Потом они вернулись отсюда – не прижились.

Наверное, в этом переселении была какая-то необходимость. Но ведь с ними обращались как с пленными. И в трудовую армию забирали и девушек молодых, и женщин. Сколько они погибали там и от голода, и от холода только из-за того, что ты немец. Конечно, это несправедливо. И мы с сёстрами не старались выйти замуж обязательно за немцев, скорее, наоборот. Когда я поступала в техникум, подала заявление на специальность «Телевидение и радиорелейная связь». Мне так понравились эти слова – ни телевизора, ни телефона я в глаза тогда еще не видела ни разу. А на зачислении мне предложили только другое направление – междугороднюю связь. Так я посчитала, что это из-за того, что я немка. Я даже так сказала комиссии.

г. Енисейск, 2017 г.

М.П. Иванова (Руди)

*М.П. Руди с сестрами
(первая слева)*

Петр Иванович Руди

Эмма Кондратьевна Кромм

М.П.Руди, д.Власовка (Казахстан)

СООБЩЕНИЕ КАЙЗЕРА АЛЕКСАНДРА ГЕНРИХОВИЧА

Кайзер Александр Генрихович (Андреевич) 1934 г.р. Родился в Саратовской области Краснокутского района, в деревне Кнанфельд. Родители: отец Кайзер Генрих Петрович, мать Кайзер Катерина Христиановна (Цельдрайх). У Александра Андреевича были еще три сестры: Полина, Катерина и Эмма, трое других детей умерли в детстве. Жила семья в построенном из самодельных кирпичей трехкомнатном доме. Из мебели, в основном, были столы и кровати, главное достояние – ножная швейная машинка. Дома в деревне стояли на земле, но земли, как таковой, не было, ни оград, ни участков. Все работали в колхозе, продукты выдавали, хозяйство было общее. Как выразился Александр Андреевич – коммунизм строили. Отец работал бригадиром, а мать – на плантации. Самые яркие впечатления остались от купания в пруду и празднования 7 ноября всей деревней, с песнями и танцами.

*Кайзер Александр Гейнрихович
(Андреевич)*

*Кайзер Ирма
Генриховна*

В пути

В 1941 году, когда Александру Андреевичу было всего семь лет, в деревню пришли военные. Неделю продолжались сборы. Семья Кайзер выехала одной из последних. С собой взяли одежду, постель и продукты. Сначала на подводах отправились на вокзал, потом в товарных вагонах. Было очень тесно, спали вповалку, ели то, что взяли с собой – отварное мясо и хлеб. Воровства и смертей не было. На остановках (иногда длились по полдня) Александр играл с детьми и как-то раз чуть не отстал от поезда.

Сибирь

Людей старались распределить по деревням с односельчанами. Почти все жители Кнанфельда оказались в Томиловке, это, в основном, были родственники: братья отца Александр, Василий, Яков, а также семьи Вебер и Кембель. Селили в дома к небольшим семьям. Местные относились с пониманием. Хозяева, к которым подселили семью Кайзер, даже выделили им отдельную комнату. Поначалу были трудности с русским языком, но достаточно быстро

освоились, хотя между собой часто говорили на родном. Школы в деревне не было, а ходить в соседнюю не получалось – не было лишних средств. Вместо этого дети работали наравне со взрослыми. Александр Андреевич в девять лет уже боронил на коне в колхозе. В январе 1942 года отца забрали в город Канск в трудармию, где от нечеловеческих условий и тяжёлой работы он погиб. Мать не забрали только потому, что у неё было больше трёх детей. Пока отец был жив, писали письма и посылали табак. До 1955 года каждый месяц отмечались у коменданта.

Праздники отмечали вместе с местными в конюшне – клуба не было. Там Александр встретил свою будущую жену. На родину его не тянуло. Те, кто ездил, говорили, что в его доме живут другие люди. О том, что случилось, почти не жалеет, считает себя русским.

Когда спрашиваешь людей, переживших такое, о том, жалеют ли они о случившемся, ждешь сожалений и обид, а получаешь понимание «палачей» и даже благодарность судьбе. Наверное, прошедшие через столь тяжелые испытания слишком сильны для жалоб.

с. Вороковка Казачинского района, 2015 г.

СООБЩЕНИЕ КАЙЗЕР ЛИНДЫ ГОТТФРИДОВНЫ

Кайзер Линда Готтфридовна родилась в 1933 году (на данный момент ей 84 года) на Волге в Саратовской области, в селе Верхний Еруслан.

Ввиду сложившихся обстоятельств имя отца моя респондентка не помнит. Её мать, Арне Амалия Иоганесовна, родилась в 1900 г. на Волге в Саратовской области. Происхождение родителей: чистокровные немцы. Социальное положение семьи: «рабочий класс». Из воспоминаний Линды Готтфридовны: «У нас была большая мельница, жили на Волге в Саратовской области. Нас оттуда выселили во время войны. Мы потом за это получили компенсацию. Дом был большой. Детей в семье было четверо». Когда мы спросили Линду Готтфридовну про традиции в семье, она нам сказала: «Немцы всегда собирались. Вот было время, когда не разрешали богослужение. А мы потихонечку собирались, пели. Мы не отмечали Пасху. Хотя все они (*т.е. русские*) отмечали, но в Советском Союзе ничего нельзя было».

Линда Готтфридовна рассказывает: «Мне было 8 лет, началась война. 31 августа был дан приказ, ночью пришли, нас всех нагрузили в эшелоны и отправили в Сибирь, по Енисею спустили. Здесь вот на порогах высадили и везли по району, так вот и живу здесь. Сильно же никто не объяснял: ночью пришли, быстро собирайтесь... У нас был сундучок, куда складывали все самое ценное: документы, церковные книги... Собрали вот такой сундучок с фотографиями и с

книжками церковными и оставили их на столе (респондентка тяжело вздыхает и замолкает на время), а сами сели и поехали, поэтому никакой связи с отцом (наша респондентка страдает частичной амнезией, и все, что касается отца, она забыла. Но постоянно повторяет, что он у нее был когда-то). Отец умер. Смертность в дороге была большая, умирали еще и везли до следующей станции, там скидывали их». В силу своего возраста, как питались в дороге – Линда Готтфридовна не помнит:

«...с собой маленько брали, то и ели. Я была маленькая, мне было восемь лет, сестре пять, и поэтому я ничего не помню. Мы приехали, нас привезли в Табр (так называет Л.Г. место, где они работали) в Кемское. И для нас не было работы, мы ходили по миру. Люди, которые были добрые, давали нам еды, а злые называли фашистами и прогоняли нас. Фашисты, когда мы выкопали землянку и жили там, потом конюшню... Мы все там выбелили, сходили за белой глиной, в порядок привели, а нас оттуда выкинули» (вспоминая это, Л.Г. долго плакала и никак не могла успокоиться).

Время шло, Линда Готтфридовна работала в колхозе дояркой, и, как лучшую работницу, ее отправили на Выставку достижений народного хозяйства в Москву. Линда Готтфридовна вспоминает: «Сталина видела, Ленина видела, всех видела и портреты мне дали там, еще пальто подарили». (вероятно, Л.Г. имела в виду портреты вождей, а не их самих). Линда Готтфридовна вновь вспоминает об отце: «Отец был очень-очень большой, то есть больших размеров, им было невыгодно держать такого работника, и они его отправили обратно. Брата забирали в трудармию, а меня нет». Спустя время отношение населения к ним изменилось к лучшему: «...молодые работали, уже не называли меня Линда, а по-своему – Ольга. В то время на ферме работала половина немцев, половина русских».

«После того, как были сняты со спецпоселения, в 1956 году в начале августа многие немцы в это время просто собирались и уезжали. Все наши родственники собрались и уехали в Волгоград, откуда их увезли. Хотя многие говорили, что здесь лучше, тут картошка, а в Саратовской области засуха. Все наши, кто на Волгу уехал, они давно уже живут в Германии». После реабилитации Линда Готтфридовна съездила на родину к своим родственникам, которые жили в Волгограде и Саратове. Наша респондентка сказала, что дом, в котором она жила до того, как их депортировали, был цел. Было время, когда выплачивали компенсацию, что мы репрессированы, и нас реабилитировали обратно. И все документы пришли». Как она говорит, желания не было вернуться назад, «потому что, где я сейчас живу, там мое всё».

Оценивая события тех лет, Линда Готтфридовна сказала: «Государство боялось, что немцы с Волги восстанут и поддержат своих, и поэтому нас оттуда выселил Сталин».

с. Дудовка Казачинского района, 2017 г.

СООБЩЕНИЕ КИЛЬ МАРИИ КОНДРАТЬЕВНЫ

Киль Мария Кондратьевна (17.09.1923 г. р.) приехала в Сибирь в составе большой немецкой семьи: отец Адольф Конрад (отчество не помнит), мать Гебель Амалия Филипповна, 1899 г. р., брат Александр 28.10.1928 г. р.

До депортации проживали в с. Варенбург Кункуского р-на Саратовской обл. Было своё хозяйство: 2 коровы, козы, овцы, свиньи, куры, гуси.

18 сентября 1941 г. по радио объявили о переселении немцев в Сибирь. В 24 часа депортировали всю семью, кроме сестры Амалии, которая уже была замужем за русским. В день депортации Марии Кондратьевне исполнилось 18 лет. Удалось взять с собой только те вещи, которые были на себе. Еда была всухомятку. Кто успел – забили скот. Кто не успел – оставили. Отправили в Варенбург, оттуда на баржах до г. Энгельс. В скотских вагонах везли до Абакана, оттуда на лошадях в Каратуз.

20 октября привезли в Каратузский район, с. Старая Копь. Из Старой Копи отправили в п. Смольный Ярцевского района. Жили в землянках около Енисея три года, потом переселились в клуб. В каждой землянке жило по восемь семей. В мае 1942 г. Марию Кондратьевну забрали в трудармию. После демобилизации в августе 1942 её снова направили в Ярцево, где она работала на рыбзаводе: солили, коптили и отправляли в Красноярск рыбу. В Ярцево прожила с октября 1942 г. по август 1996 г. Работала на дровах: пилила, колола, но в день не зарабатывала даже двух рублей. Каждый ме-

сяц надо было отмечаться в комендатуре. За пределы Ярцево выезжать было нельзя без согласия коменданта. Первую зарплату получила в 1947 г.

Поощрений за работу не было до 1956 г., когда сняли со спецкомендатуры. После этого жить стало намного легче. С февраля стали собираться на Волгу, но их не пустили и, мало того, им приказали, чтобы они отказались от своего имущества, которое было на Волге. Сельсовет при депортации выдавал бумагу, в которой был список изъятых вещей. Обещали, что, когда они приедут в Сибирь, им должны всё возместить. Но ничего не возместили.

В 1994 г. вышел указ о возмещении имущества депортированным, но необходимо было собрать много бумаг и обязательно иметь свидетелей. Но это было очень трудно сделать. Дочь Лидия Федоровна ездила в Красноярск, но так ничего и не смогла вернуть.

В 1996 г. переехали в Усть-Кемь. Брат Марии Кондратьевны ездил на родину, заехал посмотреть на свой дом, но дома там уже не было, осталась только куча мусора. И после этого уже никто не ездил на Волгу.

с. Усть-Кемь Енисейского района, 2007 г.

СООБЩЕНИЕ КОСТЮКОВОЙ ЭРНЫ ЯКОВЛЕВНЫ

Эрна Яковлевна Костюкова (в девичестве Эйрих) родилась в 1939 году 13 июня в деревне Кнанфельд Экимского района Саратовской области, на данный момент деревня имеет новое название – село Кировское, Комсомольский район, Саратовская область. Родители респондента – немцы. Мать, Эйрих Лидия Александровна (в девичестве Майер), родилась 13 августа 1917 г., она работала телятницей в колхозе, без образования, до депортации не знала русского языка, владела только немецким. Отец, Эйрих Яков Вениаминович, родился 18 февраля 1918 г., до депортации работал комбайнером, образование 8 классов, знал немецкий и русский язык. Родители Эрны Яковлевны в брак вступили в 1938 году, а позже родилась их первая и старшая дочь Эрна. Семья жила в деревне Кнанфельд, по вероисповеданию они были лютеране. Совместно родители построили дом, в ко-

тором жили до депортации, имели своё хозяйство. По словам респондента, у молодой семьи была корова, земли под посадки, небольшой садик.

Депортация

О депортации отец семейства узнал, работая на поле. Это был 1941 год, сентябрь, люди собирали урожай. Ему ничего не дали взять с собой, сразу посадили на подводы и увезли. Позже отец без вести пропал. Людей в деревне также не предупредили. «Свои жилища и скотину люди оставили, взяли с собой из вещей только то, что было на них, и немного покушать, то, что было на столе. Некоторые как пекли хлеб, так его и оставили в печи. Добирались от деревни Кнанфельд до поезда на подводах, на поезде до Красноярска, а от Красноярска по водным путям на пароходе до села Галанино, потом на подводах до Рождественского». Позже мать респондентки вместе с детьми переехала в Челноки, там они жили в доме одновременно с тремя семьями. Для каждой семьи было по одной комнате.

В Сибири

После приезда в Сибирь все немцы работали в колхозах, на пекарне. Их труд отмечали трудоднями, и за определённое количество трудодней давали муку, пшеницу. Но это было редко, когда что-то давали за трудодни. Люди голодали. Наша респондентка рассказала, как она и её сестра перекапывали на государственных полях землю, где была картошка, после того как её уже собрали, в надежде найти остатки.

Мы задали несколько вопросов Эрне Яковлевне о трудармии: «Кто из семьи попал в трудармию?», «Куда отправили в трудармию?»:

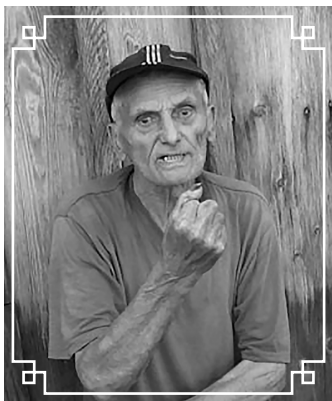
– У матери была сестра Мария, у сестры был ребёнок – девочка Тамара 2 года. Тамара заболела и умерла, а тётю

Марию забрали в трудармию, правда, я не знаю, куда отправляли. А ещё в трудармию отправили дядю, это брат мамы.

Об условиях жизни, питании, выполняемой работе она не знает. Была система надзора, следили за депортированными немцами, чтобы они не нарушали правопорядок в поселении и смотрели, чтобы среди них не было предателей. Каждую неделю отмечались в комендатуре, нельзя было выезжать из города без предупреждения и разрешения. Если рождался ребёнок или появлялась новая семья, нужно было об этом оповещать коменданта. Отправлять посылки и письма разрешалось. Было запретом разговаривать на немецком языке, приветствовался только русский язык. Национальность в общении роли не играла, русские дружили с немцами, даже создавали семьи. Были случаи, когда местные дети обзывали немецких детей «фашистами». Эрна Яковлевна рассказывает: «Я не знала русского языка, но это слово, фашисты, знала». Это было причиной драк. Позже дети стали дружить, и сократились случаи унижений немецкого населения. Респондентка характеризовала немцев как народ трудолюбивый и любящий чистоту.

с. Галанино Казачинского района, 2016 г.

СООБЩЕНИЕ РОЛЛЕРА ГОТЛИБА ГОТЛИБОВИЧА

Готлиб Готлибович родился 11.09.1924 в Одесской обл., д. Грослибенталь (в переводе на русский «Большая любимая долина»).

Отец, Готлиб Роллер, был крестьянином. В семье было пятеро детей: три сына и две дочери. Готлиб был самым младшим. В этой деревне он прожил до 20 лет. Он окончил 10 классов Спартаковской средней школы. В ней изучали три языка: украинский, французский, английский, но основным языком до 1937 года был немецкий, и все предметы преподавались на этом языке. Кстати, у Готлиба Готлибовича любопытный немецко-украинский акцент: некоторые слова он говорит с отчетливым украинским акцентом или даже употребляет украинские слова, а некоторые – с явно немецким. Заметно, что русский язык для него не родной. Мать умерла от голода в 1934 г. Отец в 1937 г. был арестован

за письмо, написанное за границу. И с этого времени Готлиб Готлибович больше никогда не видел отца и воспитывался у сестры. Комсомольцем он никогда не был. Муж старшей сестры был русский. После 1937 г. из д. Грослибенталь пошли учиться дальше всего три человека.

Оккупация

Когда началась война, Готлибу было 17 лет. Жил всю войну под оккупацией. Румынские и немецкие войска вошли на второй день войны. Массовых расстрелов в деревне никогда не видели, только расстреляли мужчину и женщину, которые были при советской власти стукачами НКВД.

В Германии

В 1944 году немцы отступили. Готлиба Готлибовича Роллера, как и многих других «фольксдойче», забрали в Германию в местечко Вартекол на Одере. Их везли на поезде, лошадях, кто-то шёл пешком. Взяли с собой продукты на неделю. Потом их согнали в Польшу. Там они нигде не работали, но им выдавали паёк: консервы, компоты, мармелад, 1,5 г. масла, на три человека булка хлеба, а у кого были дети, давали чуть больше. Ночевали у поляков.

На Родину

Когда советские войска вошли в Польшу, «фольксдойче» были депортированы. Перед посадкой в поезд все прошли прожарку и баню. Их везли до Красноярска 40 суток. В вагонах были нары, для туалета был специальный вагон. Раз в сутки варили баланду из муки-подбойки. Женщин в поезде не было, их высадили на Урале.

В Красноярске всё было готово для приезда депортированных. Когда они приехали, сначала их закрыли на карантин (13 дней), потом отправили в лагерь на работу. Г.Г. Роллер работал грузчиком до сентября 1946 г. в Красноярске. Жили

как заключенные. Были двухэтажные нары. Утром уходили на работу. Паёк приносили, а потом, как поработаешь, так и давали паёк. После войны можно было уже писать письма. В Красноярске он проработал всего год. В 1946 году их погрузили на пароход «Феликс» и привезли в Енисейск, как раз в день рождения Г.Г. Роллера (ему исполнилось 22 года).

Поселили всех мужчин в мужском монастыре г. Енисейска. Ночевали там два дня, потом пошли пешком в Жарково. Туда шел целый полк депортированных. Погода в этот день была хорошая. Когда читали списки, кого куда отправить, Готлиб Готлибович попал в Волчий Бор. Они пришли на голое место. Жить было негде. Копали «окопы», перекрывали ветками, брали у местных жителей сено. Жили там, пока не стали строить хижин. Но постоянно жить в окопах и хижинах было невозможно. Готлиб Готлибович узнал у детей, которые жили в Ялани, есть ли тут немцы. Оказалось, есть. Роллера с приятелем пустила на какое-то время одна женщина. Они приносили паёк и делились им с ней.

Каждый месяц в Волчий Бор приезжал комендант, все собирались и шли на отметку. Не было такого, чтобы кто-нибудь убежал. Готлиб Готлибович помнит имена комендантов: Орешников, Ворсин В.И. В Волчьем Бору занимались тем, что валили лес, а потом сплавляли по Кемь. Позже по Кемь плавали в Усть-Кемь. У Г.Г. Роллера в то время не было никаких документов.

В Усть-Кемь Готлиб работал на шпалозаводе. Всем депортированным выдавали одежду: фуфайки, валенки, рукавицы, шапки. В 1950 году начали давать зарплату. За всю жизнь у Г.Г. Роллера не было ни одного прогула. Работал на совесть.

Когда мы спросили у Готлиба Готлибовича, какие у него были ощущения, когда он ездил на родину, он сказал, что ощущения были дикие: в деревне немцев почти не осталось.

В настоящее время у нашего респондента две дочери, четыре внука и четыре правнука.

с. Усть-Кемь Енисейского района, 2007 г.

СООБЩЕНИЕ СОКОЛОВОЙ ИРМЫ ФЕДОРОВНЫ

Ирма Федоровна родилась в 1939 г. в Саратовской области, Красноармейском районе. Семья была очень большая — только одних детей семеро. У И. Ф. были четыре сестры и два брата. Оба родителя были с 1900 года рождения.

Отец был пимокат, он катал валенки. Как вспоминает И.Ф., отец был просто нарасхват. Мама, добрая женщина, очень покладистая и трудолюбивая, умела шить, и, можно сказать, семья только этим зарабатывала на жизнь. С собой привезли швейную машинку «Зингер» и вафельницу. Вафельница вскоре потерялась в Зотино.

Сначала они жили в Ворогово. Эту семью сразу полюбили местные жители. Дом был очень большой, богатый. На чердаке все было завалено колодками от валенок, так отец много работал. Там же И. Ф. закончила всего лишь 7 классов школы-десятилетки. Школа была очень большая для деревни, огромные окна и длинные коридоры. Вообще большого презрения не чувствовалось, но бывало в школе обзывались: «фашисты безрадостные». Учителя заступались. Самые любимые учительницы были Татьяна и Людмила. И. Ф. уже не помнит, какие предметы они вели. Она часто ходила к ним, приносила молоко, а они угощали ее колбасой.

В марте 1953 года умирает Сталин. В школе объявили линейку, учителя хватались за головы, была паника, все плакали.

Отец не разрешил учиться дальше, как раз в это время умерла мама, и не хватало рук работать на дому и по хо-

зайству. И.Ф. вспоминает, что когда все кушали за столом, не дай Бог кто-то неправильно повернется – отец сразу же начинал ругаться. И ты бежишь на печку из-за стола и остаешься без еды. В семье никогда не говорили на родном языке.

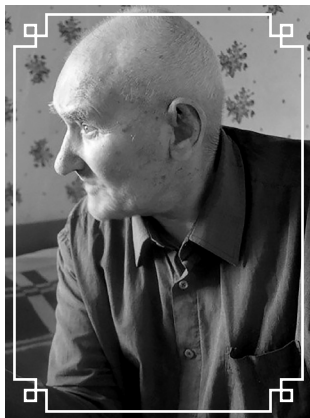
Когда И.Ф. было 17 лет, она убежала за 15 км от дома с сестрой в Зотино «в кирзовых сапогах и с гитарой в руках» и почти сразу вышла замуж. Вскоре родила двоих детей – Сергея и Татьяну.

После того как она вышла замуж, она сперва работала в леспромхозе, затем на складе, в ларьке и даже в сбербанке кассиром, проводила различные операции, считала деньги. После снова ее перевели на склад.

Вся семья у нее прожила в с. Ворогово, недавно умер последний брат, теперь она совсем одна, только с детьми и внуками.

с. Новокаргино Енисейского района, 2008 г.

СООБЩЕНИЕ ПРАЙЗЕ ЭВАЛЬДА ЯКОВЛЕВИЧА

«Недавно я встретил людей, это было в конце марта, вдруг подъезжает со стороны Кемского хорошая машина – лимузин, выходят двое военных, я таких ещё не видел никогда, красиво одетые, в затемнённых очках оба, один в звании полковника, другой в звании майора, а за рулем сидел старший лейтенант, он тоже вылез и закурил.

Я стоял возле штакетника, около магазина, они беседовали, потом осмотрелись и ближе всё подходят ко мне и говорят:

- Вы здешний?
- Да, – говорю я.
- Сколько лет-то живёте здесь?
- 87.
- А раньше где жили?

– А раньше на Волге жил я, там у нас было автономная советская социалистическая республика немцев Поволжья, там я родился в 1922 году, вот там я и жил.

– Да, мы эту историю знаем о советских немцах, которые безвинные и так страшно пострадали от этого грузинского тирана, очень они страдали, мы знаем это.

И вдруг он переключился на немецкий язык, я аж перепугался: будто фашист немецкий меня спрашивает: «Вы ещё владеете немецким языком более-менее?». Я ответил ему утвердительно, а он продолжает: « Это хорошо, родной язык забывать нельзя. Вот вы грамотный человек, вам нравится эта жизнь, в которой мы сейчас живём, которую преподнесли нам перестройщики?». А я что ему мог сказать: «Нравится – не нравится, жить-то надо, потихоньку живём». Он мне и говорит напоследок: «Неет, такая жизнь не пойдёт, очень скоро вы увидите: большие изменения будут у нас в России. Так что живите ещё долго, и вы многое ещё увидите». Сели в машину и уехали. Я ещё подумал: что такое, какие-то военные, что они по селам ездят и спрашивают?»

Таким интригующим для нас было начало беседы с Эвальдом Яковлевичем. Но вскоре легкая ирония с нашей стороны сменилась восхищением этим человеком, его памятью, ясностью ума, широтой кругозора.

Жизнь до депортации

«Мой отец, Трайзе Яков Иванович, родился в 1885 году в селе Гнадентау. Моя мать родилась на Волге, в селе Варенбург, и тоже в 1885 году, она служила 8 лет в городе Астрахани у одного аптекаря – Лукин его фамилия. Мама хорошо по-русски знала. Когда она приезжала домой, в деревню, они подружались с отцом, и он поехал в Астрахань, забрал её в жёны. Вот они потом жили в Гнадентау, это большое село было. У нас была автономная (в 18-м году на первом съезде народных комиссаров) советская социалистическая

область Советского Союза. А в 24 году преобразовали её в республику, 22 района было.

У нас была большая семья: старший брат Арнольд 1910 г.р., потом Эдуард 1912 г.р., Яков 1914 г.р., потом сестра Гильда 1920 г.р., потом я 1922 г.р. и брат Павел 1925 г.р. У моих родителей было хозяйство. У нас был деревянный дом. До 29 года мы были единоличниками. В 29 году приехала какая-то комиссия к нам и вызвали всех в контору. Вечером пришёл отец и говорит: «Мария, призывают, чтобы мы вступили в колхоз, если мы в колхоз не вступим, сказали, что могут нас выслать отсюда, ну вот что делают». На следующий день опять вызывают, он пришел домой, и мама сказала: «Ну, иди и пиши заявление, вступай, раз все вступают в колхоз». Оставили нам только корову да лошадь. У нас до этого было 4 коровы, остальное всё забрали, и половину зерна забрали в колхоз. Ну, и начали работать в колхозе потихоньку они. Отец пахал, в колхозе не хватало тяговой силы, и заставили обучить коров, чтобы на них можно было ездить, пахать. Мама у меня тоже работала, раньше ведь заставляли налоги платить и молоком сдавать, она работала на молоканке. Был небольшой сепаратор, и вот люди приходили пропускать молоко. Определенное количество сдавали государству, вот она там работала.

У нас большое село было, в нём 2 колхоза было. У нас большая церковь была и школа большая, и вот от неё вверх – там колхоз был имени «12 октября», а от церкви вниз – колхоз имени Орджоникидзе. Это наш колхоз был. У нас был хороший председатель, он в 22 году окончил в городе Хабаровске военное училище, в звании капитана, орденом награжден был за бои с китайцами. Он досконально знал русский язык. И вот колхоз наш развивался.

Все стали хорошо жить, там все работали, там и плантации, и всё там. У меня дядя был, в гражданской войне он командовал кавалерийским полком, и он был председателем

Красникульского района, в райисполком избрали его. Приехал он к нам и сказал: «Мария, я Эвольда возьму с собой, там у нас есть техникум, готовит агрономов, ветеринаров, и он пусть учится у нас, закончит там». Ну, я действительно поехал туда, сдал экзамен, поступил в техникум на агронома. Это училище было примерно полтора километра от села. Я там учился до 11 апреля 1941 года».

«ОБСТАНОВКА НА ГРАНИЦЕ ОЧЕНЬ НАПРЯЖЕННАЯ...»

Однажды ночью мы встали: кругом гудит, кругом свет. Смотрим, вышли, полным-полно военных, палатки везде, машины. Потом нас собрал директор училища и говорит: «Ребята, езжайте домой, наше училище переводят в город Энгельс, а это здесь всё забирают военные. Я приехал домой, это было весной, мне 19 год шёл тогда, и я тогда в колхозе работать начал. А через некоторое время приезжает к нам дядя опять и говорит моей матери: «Мария, сейчас никого никуда не посылайте, обстановка очень сложная. Нас всех председателей райисполкомов собрали три дня тому назад в городе Энгельсе, к нам приехал большой начальник из Москвы и сказал: «Обстановка на границе очень напряженная. Германия накапливает огромные количества войск у наших границ, а мы не принимаем никаких мер и действий. А Сталин ругает, что мы, провокаторы, провоцируем Германию. И потом нам сказали, что 22 июня утром рано начнется наступление на Советский Союз».

Я этому не поверил, и вот действительно: это было воскресенье, утром мы встали, вышли, мать как раз стояла в это время – ссыпала курям немного пшеницы, вдруг сосед к нам забегаёт: «Мария, ты новость знаешь? Война началась с Германией». «Бо-оже мой, – говорит мать. – Ведь всех наших парней заберут, которые уже отслужили». И мы пошли к сельскому совету, где стоял столб и рупор. Много народу собралось, и тут Сталин начал выступать по радио. Он сказал: «Братья и сестры, дорогие трудящиеся, сегодня утром 22

июня без объявления войны в 4 часа вооруженные силы Германии атаковали наши границы от Балтики до Чёрного моря, по всей границе идут ожесточенные бой, бомбят города. Зарвавшийся враг должен быть выброшен из нашей территории. Всё сделаем для победы! Победа будет за нами!» Всех, кто отслужил, сразу всех взяли на фронт. Первым погиб на фронте бригадир тракторной бригады, помню, как пришла первая похоронка. Я тогда стоял у калитки, мазал шарнир, и мать его приходит с пацаном, плачет и говорит: «Эвальд, ну читай, люди говорят, что это похоронка». Я и читаю, там написано: «Красноармеец Крауберге Август, уроженец Саратовской области, героически погиб при защите города Смоленска. Командир части такой-то и печать». Она заплакала: «Что теперь делать?». Я и говорю: «Сохрани это, не потеряй».

К концу августа сорок первого года созрел очень хороший урожай по всей республике. Мы молотили на поле, а немцы напали на город Саратов. Они разбили мост железнодорожный, разбили комбайновый завод, полностью железнодорожный узел, в несколько домов попали и в людей мирных. И сразу руководство Саратова связалось со Сталиным. Сталин собрал военный совет и сказал: «Товарищи, обстановка усложняется очень быстро, сейчас только пришло сообщение из Саратова: фашисты нанесли удар по Саратову, разбили полностью мост через Волгу. Надо срочно меры принимать, чтобы усилить вокруг Москвы охрану».

«Я ВАМ ПРИНЁС ПЕЧАЛЬНУЮ ВЕСТЬ...»

Мы молотили, а 25 августа приехал к нам опять дядя Павел и сказал:

«Мария, держитесь вместе, никуда никого не посылайте, там обстановка сложная, по-видимому, нас будут высылать. Всю республику, наверное, будут высылать в Сибирь, но это пока ещё не точно». Ну, он и уехал, а мы всё молотили, урожай ведь много было, всё кипело, такие вороха пшеницы ле-

жали, 4 плана сдавали колхозы тогда. Вдруг скачет наш полевод, прискакал, махнул рукой трактористу, мол, глуши мотор, и говорит: «Идите все сюда». Мы все подошли к нему. «Я вам принёс печальную весть: всю нашу республику высылают в Сибирь, Алтайский край, Казахстан, Среднюю Азию». Никто в это не верил, стоят все, молчат: как всё так? Ну, он достал газету: «Указ Президиума Верховного Совета» – и сказал: «Пусть всё стоит, запрягайте лошадей и езжайте домой».

Я пришёл домой, мать стоит плачет, я спрашиваю: «Что случилось?». «А ты что, не слыхал? Нас всех высылают в Сибирь, Казахстан». Я говорю: «Я слыхал, к нам полевод приехал, всё нам передал». А мама плачет. Потом к вечеру уже приехали машины с военными, 6 больших машин военных. Оцепили они территорию, приказали никому не покидать село. Военные заняли школу. И наутро собрали всех людей, и начальник этих военных сообщил: «Колхоз имени Орджоникидзе будет отправлен 6 сентября утром на станцию, а оттуда будут отправлены все. Поедет комиссия, она будет принимать у вас скот, всё будут принимать». У нас там секретарша была русская – Галя, она хорошо по-немецки знала, все тонкости. А у ней муж был немец, он главным инженером на мельнице был, двое детей было: парень и девка. Ихние фамилии Армон были. Вот она задает вопрос: «Что происходит, вообще не понять нам. Почему высылают людей, все работают, непонятно. Что там происходит?». Он и говорит: «Там есть у нас правительство, пусть решает, что там происходит, а мы выполняем приказ Президиума Верховного Совета о выселении немецкого населения, проживающего в районах Поволжья». «А вот я русская, а мой муж немец?» Были несколько семей, у них были жены русскими, а мужья немцами. «А вы, если разведётесь, то можете дома оставаться», – сказал он. «А если нет? Значит, мы – куда мужики наши, туда и мы поедем», – они сказали. И все пошли собираться в дорогу.

В Сибирь!

«Люди начали готовиться: у кого свиньи были, то они резали их. Корову сдавали, а взамен давали справки. Сказали так: «Приедете на место, куда вас везут, по этой справке вам там дадут корову».

Эти солдаты, они очень хорошие люди были, они сами переживали. Вот потом 6 сентября утром всё село собралось у подвод. У военных винтовок не было, наганы были. Все были средних лет, они подходили и сами разговаривали с нами: «Мы сами не понимаем, что происходит, мы просто выполняем приказ командования, немец уже под Москвой, он сильный. А мы выполняем приказ командования». Мать плакала. Всех забрали, загрузили. Она еще раз посмотрела, я взял её за руку и говорю: «Пошли».

На подводе разложили как надо вещи из расчёта 100 кг на каждого жителя...

Раньше матрасов не было, раньше был большой мешок, заполненный соломой, это и был матрас. У нас ещё было 2 сундука, и нам солдат подсказал вещи сильно не брать, а продукты брать с собой. А мы в эти сундуки – в полный каждый сундук вошло по два с половиной мешка белой муки. У нас была гармонь, гитара, балалайка – все эти инструменты сложили в отдельный ящик и тоже взяли с собой. Машинку швейную взяли, она хорошо шила. Ну, и погрузили всё, и на заходе солнца тронулись и уехали. Люди плакали, шли за подводами. А овец, и коз, и кошку с собакой – всех оставили там. Козы бегали по дороге без всякого присмотра.

В пути

26 дней в дороге были. Через Среднюю Азию нас везли, потому что прямой дорогой путь был забит военными эшелонами. Вот один раз мы стояли на станции «Уранск», там разносили суп по вагонам, щи разносили, хлеба немного дали. Немцы бомбили, говорили, Красный Кут, там строили

наши аэродромы, и там всё разбили они. Немецкие самолёты летали туда уже. В вагоне нас было человек 80. Ехали все вместе. У нас перегородки были снизу и сверху, угол там загородили как туалет, там ведро стояло, мыло, всё как надо. Вот так везли, жара была страшная, ну и там разрешили военные открыть дверь, чтобы воздух вошел.

В пути умер один старик на станции «Чу». Его быстро похоронили, недалеко от железной дороги: выкопали там яму и быстренько закопали.

КЕМСКОЕ

Теперь дальше: 26 сентября мы прибыли в Красноярск, на станцию «Базаиха». Там на Енисее стояла уже баржа, туда нас всех загрузили и по Енисею пустили.

Так, ну мы с Красноярска 5 дней плыли до Салива, так называлась небольшая деревушка около Енисея. И там нас выгрузили часть, там уже подводы стояли, и мы всей семьёй попали в село Кемское. Это было большое село.

Нас хорошо приняли. Нас пустили к себе старик и старуха, у которых большой дом был. Они приняли нас очень хорошо, у них было много картошки, капусты. Они жили, как зайдешь, в первой комнате, а нам выделили 1 большую комнату и 2 маленькие с дверьми. Мать хорошо по-русски знала, да и мы уже более-менее могли отвечать по-русски. Мать однажды дала им чашку муки, они никогда не видели такой белой муки. Мама чашку полную им дала, у них аж глаза раскрылись. Они дали нам морковку, картошку...

Я хорошо играл на гармошке, Гиля – на гитаре, и Павлик на балалайке хорошо играл. Мы вечером как-то сидели, потом бабушка эта говорит моей матери: «А что же они сидят? У нас же клуб есть, пусть туда идут».

Ну, мы и потихоньку пошли в большое здание, там летучие мыши горели, а в углу печь стояла, а возле печи была большая бензиновая бочка, 200-литровая, пустая. А ещё были са-

модельные скамейки сделаны. И вот там 8 девчонок, одетых в фуфайки, валенки, сидят. А одна бренчит на балалайке. Она там неправильно настроена была, эта балалайка. Мы сидим и слушаем это всё, а потом заведующая клубом, высокая девчонка, такая блондинка, ходит, а Гильда говорит ей:

– А что, другой музыки у вас нет?

– У нас был гармонист, он играл, но его взяли на фронт, – говорит высокая девчонка.

– А мы могли вам музыку делать, вот брат играет хорошо на гармонии, я на гитаре, а Павлик на балалайке хорошо играет, – говорит Гильда.

– Правда? Ну, принесите.

Мы пошли домой, принесли. Вы бы посмотрели, как они танцевали, аж пыль столбом стояла. Они все были маленькие, девки эти, танцевали-танцевали, у одной была длинная коса, она села рядом со мной и смотрела на гармонию: «Ой, какая хорошая гармония».

На следующий день ещё больше народу пришло. А у меня брат Эдуард, он работал шофером. Как узнали в районе, в райисполкоме, его вызвали в район: у них была легковая машина разобрана, шофера не было. Вот заставили его там делать эту машину.

Вскоре мы с Павликом тоже переехали в Казачинское и устроились работать в коммунхоз на заготовку леса. А потом, значит, в январе мы пришли домой вечером. Сидит мать и сестра и плачут. «В чем дело?» – спрашиваю я ее, а она показала повестку мне и моему брату Эдуарду. И нас забрали в трудармию.

В ТРУДАРМИИ

Мы попали в Краслаг, в Нижнепойменское лесоповальное отделение (ст. Решоты). Усиленная охрана была, очень тяжелая работа – лес валили. Нам выдавали фуфачки легкие и чуни... И так ходили. Но они были холодные, и люди

обмораживали ноги. Была больница – стационар называлась, там лекарств очень мало было, и поэтому умирали люди. Жили в бараках по две бригады, а в бригаде человек тридцать. Нары в два ряда, печка – вот и все. Да нет, не все. Сильно много было клопов и вшей. Специальный был барак, где была прожарка. Боролись с ними. В трудармии в общей сложности я пробыл пять лет: был в Сосновке, в первом лагпункте, во втором... Во втором лагпункте был самый старый лагерь – Ревучи назывался. Там раньше заключенные до революции были (это в Нижнеингашском районе). В четырех лагерях я был. И когда в 43-м году привезли к нам женщин из первого лагпункта, то на них страшно было смотреть: все измождённые, истощенные. И молодые, и средние, и старшие. Оцепили три барака, высокие стены сделали и туда поселили их. Они там ничего делать не могли – очень слабые были все. Организовали из них бригаду. Сначала они сжигали сучья в лесу, потом перебирали в овощехранилище картошку, кого на лесозавод на лето отправляли...

Я грамотный был, бракером меня поставили учитывать лес, записывать, кто сколько сделал. Я обслуживал две бригады, изучил кубатурник наизусть. Это очень редко было, у меня была сильная память, даже бригадиры удивлялись. Я принимал у всей бригады (30 человек) лес и не записывал. Однажды бригадир спрашивает у меня: «Почему ты не записываешь?». А я ему: «У каждого человека приму, потом и запишу». Там на меня один десятник жаловался, что я приписываю своей бригаде. Проверяли меня. А у меня на молоточке такое клеймо было 47. Принимаешь бревно и клеймо своё ставишь. Потом быстро подсчитаю, и все сходится. Начальнику лагеря этот мужик жаловался на меня. А проверили – все мои цифры и клейма сошлись. Тем, кто перевыполнял норму на 120%, давали 800 грамм хлеба, суп, кашу давали.

Деньги начали платить с 1944 года. Хорошие деньги платили. С сорок четвертого года сняли всю охрану. Мы там с моей Милей познакомились, и потом шестьдесят восемь лет вместе прожили. Мы в трудармии познакомились, она была телефонистка. Она все время принимала то, что бригады передавали. А потом назначали ее бригадиром сельхозбригады. Они сажали картошку и перебирали ее потом. Они очень сильно сразу поправились, эти девки, как начали работать в овощехранилище.

Мы с ней интересно познакомились. Они сено косили недалеко от лагеря, это было в Сосновке. Они как раз пообедали и лежали все на животах. Мы туда пришли такие с бригадиром в обед. Она с краю лежала. А бригадир и говорит:

– Синие глазки подними. Она посмотрела и говорит:

– Что вы хотите?

– Она пойдёт? – спрашивает бригадир

– Если захочет – пойдёт, – говорю я. Вот так и познакомились.

Я помню, когда война кончилась. Мы как раз там дороги чистили, а потом десятник приехал и говорит: «Бросайте все, война закончилась». Потом у нас был большой митинг и сказали: «Вы большой вклад внесли в победу над фашистской Германией». С того времени стали лучше кормить людей. Вот такой праздник устроили там: сразу дали хлеба больше, водки дали на каждую бригаду по несколько бутылок, откуда-то появились огурцы, рыба.

В 46 году нас отправили в Таджикистан в распоряжение горно-химического комбината. Утром туда пригнали эшелон, нас всех посадили, дали всем по буханке хлеба на человека, рыбы дали, крупы и повезли нас в Среднюю Азию.

Нас привезли утром рано, выгрузили нас в городе Ленинабаде. Там стояло много машин, военные американские машины. Мы приехали в поселок, где стоял химзавод, а начальником был грузин. Очень хороший поселок был город-

ского типа. Нас за 15 км отвезли в деревянные бараки. Вот так мы и жили, строили электростанции, насосные станции, копали траншеи. Ну и в 48 году мы пошли с Милей регистрироваться. Зарегистрировались. А там ведь еще свидетели нужны, так мы парней нашли, они подписи поставили. Там еще продавали пиво, мы пиво попили, так и прошла наша свадьба. У жены моей было платье простое, а так особо ничего не было.

5 МАРТА 1953 ГОДА

Да, помню и очень хорошо. Мы были в Киргизии, строили шахту, там был начальник шахты грузин Рудник Агакович. Мы едем с шахты, а там вдруг передают: «Состояние здоровья Сталина ухудшается», а потом передали, что он скончался. Некоторые плакали, а некоторые нет. Многие плакали, а мы не плакали. Что плакать? Через несколько дней выступал Маленков, он был назначен старшим. Потом избрали Хрущева первым секретарем, потом председателем совета министров избрали Булганина. А когда был 20 съезд партии, и после был опубликован большой доклад Хрущева о культе личности – это было как бомба взорвалась. Рядом с нами строили электростанцию, так там было написано «Сталинские стройки». А как разоблачили его, на следующий день приехал начальник и поменяли вывеску на «Ленинские стройки». Начальник стройрайона и говорит: «Вон как быстро Иосифа Виссарионовича забыли».

СНОВА СИБИРЬ

Десять лет мы жили и работали в Кизюльчар, это в Киргизии. Там очень хорошо жили. Мы были под спецкомендатурой до 56-го года. Был у нас хороший комендант, он нам говорит: «Скоро вас снимут». А утром нас вызывают и говорят, что сняли. Всё, нас погрузили всех, повезли в районный центр. Там всем выдали паспорта. До 56-го просто бумажка

была, были пропуска у шоферов. После пожара на шахте ее закрыли. И все потихоньку стали разъезжаться. Мы поехали в Казахстан, на химзавод работать. А вот моя сестра жила в Сибири, в Дудовке жили они: мать, сестра с мужем, племянница. Они писали, чтобы мы приехали. Так мы вернулись в Сибирь. Я устроился в совхоз шофером, потом меня избрали председателем сельского совета. Двенадцать лет работал, мы были передовым сельским советом в районе. Я был коммунистом, в партию в Сибири вступил, а потом я сам и вышел из партии.

«...В ПАРТИИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ЧИСТЫЕ ЛЮДИ, ПРОВЕРЕННЫЕ»

С начала 88 года немцы начали создавать везде организации «Возрождение». И в Красноярске большая организация «Возрождение» была. В районах советские немцы начали ходатайствовать перед правительством о восстановлении автономной республики немцев Поволжья. Как-то приехали с Красноярска трое: русский и два немца, солидные такие люди. Вот и говорят они, что в нашем районе много немцев живет, а сейчас начинается движение по восстановлению автономной республики немцев. Я говорю: «Вряд ли». Через некоторое время стали выдавать новые членские партийные билеты, их оформляли в районе. Первым секретарем был у нас Дранишников, его перевели потом в Новосёловский район. Давали всем коммунистам новые билеты, а мне нет. На следующий день я поехал ко второму секретарю Калимову, он татарин был. Я поехал туда, захожу к ним, и он говорит мне: «У тебя есть брат в Германии?» Я отвечаю: «Есть, он офицером был в советской армии, попал в плен. Он там работает сейчас в морском институте». Калимов мне и говорит:

«Пока воздерживаемся выдавать вам партийный билет, в партии должны быть чистые люди, проверенные». Я так

рассердился сразу, захожу к секретарше и говорю: «Дайте мне лист и бумагу». И я написал заявление: «В связи с тем, что райком партии не доверяет мне больше руководить органом советской власти, я выхожу из членов КПСС. Больше не желаю быть членом партии, прошу мою просьбу утвердить». Приезжаю домой и сказал: «Вот что, мне больше не доверяйте руководить советской властью, я убираю с себя обязанности председателя сельского совета и предлагаю взять на замещение Чашина Николая». И вот я больше в этой партии не состою. Они вербовали там, беседовали, но это бесполезно

«Я принял это и жил так, ведь жить-то надо»...

Не виноваты были немцы ни в чем, они работали как черти все, воевали на фронтах, защищали Брестскую крепость, защищали Москву. Защищали Брестскую крепость майор Тулько, старший лейтенант Ревер, старший лейтенант Кроль, старший лейтенант Шмидт, командир отделения пулемётчиков Майер, Андрей Гофман. Многие под фиктивными русскими фамилиями воевали, защищали...

Вы вот меня про обиды спрашивали. Да какие обиды должны быть? Я ведь председателем был, многонациональный коллектив, и все дружно работали. Вот эта дружба – это большое дело. Какая обида может быть, если система такая была представлена? Я принял это и жил так, ведь жить-то надо. Вырастили дочку, трех сыновей, жив остался только один Володя, он живёт в Германии, и дочь – в Киргизии.

Они живут очень хорошо, сын большим начальником работает, командует компьютерным институтом, он эти компьютеры наизусть знает. Приезжал сюда, работает, всё отлично там. Жена его работает, немецкий хорошо знает. Они приезжали сюда уже несколько раз.

с. Дудовка Казачинского района, 2017 г.

Трайзе Эльд с отцом

Из личного архива Эвальда
Трайзе

*Из личного архива
Эвальда Трайзе*

*Трайзе Эвальд
с женой*

СООБЩЕНИЕ ФЕЦЕР ИРМЫ ГЕНРИХОВНЫ

Предки Ирмы Генриховны прибыли на Украину из Германии еще при Екатерине. В России жили в с. Нойбург (Новоградовка), в 25 км от Одессы. Отец – Фецер Генрих Генрихович, 1908 г.р., мать – Ресле Лидия Ефремовна, 1901 г.р.

Жизнь до 1941 года

Отец, Генрих Генрихович, был председателем колхоза. Они выращивали многие садовые культуры, в т.ч. виноград, была и винодельня. Отец никогда не стремился быть богатым, зажиточным, иметь излишки, хотя возможности были. В деревне росли черешня, акация (вдоль дороги), яблони. Все деревья на 1 метр обязательно белили. Дома строили из цельных кусков камня, крыши крыли камышом.

2 августа 1941 года его забрали без объяснения причин. О судьбе отца Ирма Генриховна узнала только спустя много

лет: его обвинили в антисоветской пропаганде и расстреляли 2 октября того же года. Вместе с ним арестовали еще 20 человек, из которых расстреляли его секретаря и двух учителей.

Оккупация

Никаких карательных операций немцы не устраивали. Они отдали землю в личное пользование, вернули отобранные виноградники. И люди начали работать как бешеные. «Хотя всегда трудились, но тут – вдвойне, вспоминает наша респондентка. Она пошла второй раз во второй класс. Все предметы велись теперь на немецком языке, который стал обязательным (русский не преподавался). Снова открылась лютеранская церковь, священник приезжал из Германии.

Вынужденная миграция

28 марта 1944 года они вынуждены были отправиться в Германию: немецкие войска отступали и насильственно забирали «фольскдойче» с собой. Питание приготовили в расчете на сорок дней пути: сухари, курятина, залитая салом, стряпня, сушеные абрикосы. Взяли одежду, одеяло и подушки на каждого.

По Европе...

Новоградовка, через Днестр на пароме, Молдавия – Румыния – Болгария – Венгрия (здесь у них забрали лошадей, пересадили на поезд) – Польша. Шесть месяцев они жили в г. Врешен (небольшой польский городок), питались по карточкам, на которые выдавали хлеб, мясо, повидло, сливочное масло. Кормили хорошо.

Затем они оказались в Германии в д. Кимриц. Их подесли в семью пекаря, который имел свой небольшой магазин и торговал сдобой. Жена его была не очень дружелюбной и общительной, и Ирма Генриховна старалась лишний раз не мелькать у неё перед глазами, не топтать пол. А её средний брат был настоящим бегунком, который никак не

мог усидеть на одном месте, и, чтобы он не заходил лишний раз в дом и тем самым не злил хозяйку, ему спускали из окна кусок хлеба, намазанный вареньем или маслом.

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Наша респондентка помнит, как в Кимриц вошли американцы – большие, высокие, красивые мужчины, все как на подбор. Они были на «студебеккерах», с автоматами через плечо. Никто им не оказал сопротивления. Погиб лишь один американец, и то как-то случайно. Через некоторое время пришли советские войска. Стали ходить разговоры, что скоро всех отправят домой. Однако отправили их в Сибирь. Когда это поняли, было уже поздно и бежать было невозможно.

СИБИРЬ

До Красноярска их везли по железной дороге, а дальше их повезли на колёсном пароходе «В. Маяковский». 13 октября 1945 года их привезли в Крутой лог. Кто-то был вынужден ночевать на берегу, укрывшись одеялами, которые к утру закуржавели. А семье И.Г. удалось переночевать в Каргино у дяди Вани. В этом доме они прожили четыре года. В одном доме жило четыре семьи (16 человек), спали на топчанах. Большую часть времени проводили в Крутом логу на 5-м участке, где работали в леспромхозе и жили почти всю неделю до выходных. Затем в 1950 году они на постоянно переселились в Крутой лог, а работали уже на 9-м участке (9 км от Каргино). В 1962 году построили свой дом. Жили в Крутом логу бедно, но спокойно. Двери никогда не запирали, пускали на ночевку совершенно чужих людей.

Сначала дали по две сотки под огород, постепенно надел увеличивался. С 14 лет Ирма Генриховна работала в леспромхозе. Постепенно привыкли к новому укладу жизни. Ее мама была потомственной швеей, за пошив платья брала 1,5 руб. Со временем она выписала себе швейную машинку из Подольска (товары почтой). Средний брат вместе

с мальчишками делал корчажки, одновременно ставил на озере и в протоке. Этим уловом и кормились.

Ирме давали 600 граммов хлеба в день, на иждивенцев (мать и брата) – по 200, но не всегда. В леспромхозе наша героиня валила лес, рубила сучки, заготавливала дрова, работала на сплаве. Работала честно, добросовестно, за что её не раз премировали (коричневый шёлк, кремовое платье...). Но всё это было обменяно на продукты.

У Ирмы Генриховны шестеро детей, вся их семья (внуки, дети, невестки) – больше сорока человек. Она старается жить по совести, религиозна и очень трудолюбива. В свои 77 лет встаёт с солнцем и ложится очень поздно. Усадьба И.Г. Фецер образцово-показательная, здесь растёт 32 вида георгинов, астры, гладиолусы. Ко всему – к людям, земле, растениям – она относится с любовью. Ирма Генриховна очень приятный, обаятельный человек.

п. Новокаргино Енисейского района, 2007 г.

Фецер
Генрих Генрихович

СООБЩЕНИЕ ЦИММЕРМАНА КАРЛА ФЕДОРОВИЧА

Циммерман Карл Федорович 1929 г.р. Родился в Саратовской области в селе Гримм. Село было немецким, говорили все только по-немецки. Отец – Циммерман Федор Андреевич, мать Мария Карловна. В семье ещё были: брат Райнгольд 1931 г.р., сёстры Ирма 1925 г.р., Эрна 1925 г.р.

Отец работал слесарем. Мама не работала. Дом был большой, каменный. Был огород, но потом его забрали и на его месте построили клуб. Были яблоки, арбузы. Держали корову, кур. С детства ездил на покос, в лес за дровами (количество дров регулировал лесник). В детстве играли в кости (в«бабки»). Закончил в Гримме 2 класса.

«Узнали о депортации рано утром, когда дети ещё спали. Сказали, что завтра всех вывезут. Брали с собой мало. В основном, инструменты, кухонные вещи. Взяли швейную машинку, прялку. Корову сдали, взамен дали бумажку, по ко-

торой можно было получить корову в месте ссылки (корову действительно дали, но не сразу). Вечером, когда поехали, пришла корова и прибежала собачка, ей специально оставили приоткрытую дверь. Все плакали. Отец предположил, что их повезут в Сибирь. Так и оказалось.

Ехали всей семьёй, и ещё мамина сестра. До Красноярска везли по железной дороге. В поезде кормили, никто не болел и не умирал. Условия были сносные. До Енисейска везли по воде. В Енисейске переночевали, потом нас посадили на катер и отвезли в Баженово, где мы и прожили потом 9 лет. В Баженово был колхоз. Всех расселили по домам. Местные относились хорошо.

На заимке сеяли хлеб. Отца забрали туда, поставили бригадиром. Женщина, которая до него была бригадиром, обиделась и ругалась на него. Зарплату не платили, были трудодни. Еды не хватало, голодали. Мама работала свинаркой. А дети, когда приходили к маме, ели турнепс. Перекапывали картошку, находили невыкопанные картофелины. Ели пучку.

Пошёл в школу. Русского языка не знал, как и другие немецкие дети. Русские дети научили здороваться с учителем нецензурными словами («Пошёл на...»). Учитель зашёл и сказал «здравствуйте», а мы сматерились. Учитель сначала разозлился, потом понял ситуацию и наказал тех, кто это подстроил».

Сначала Карла посадили в третий класс, потом из-за незнания языка перевели в первый. Русский язык он выучил быстро. Проучился почти год (с осени до весны), потом нечего было есть, и больше не учился.

«Тётка моя работала в колхозе сепараторщицей и на зиму уезжала в Михалёво или Анциферово работать – шила там людям на заказ. Отмечались в Баженово. Никто не сбегал. Весной начал работать в колхозе. Земля только обсохла,

давали плуг и пару лошадей – и начинали пахать. Сильно уставали.

Отца забрали в трудармию в Соликамск. Забрали в 1941 или 1942 году, а вернулся только в 1954. Работал там на лесоповале, потом пошёл на повышение – кладовщиком.

Один знакомый, Миллер, шел из трудармии до Анциферово пешком. Надеть было нечего, шёл запахнутый в одеяло. Сестру тоже забирали в трудармию. Отец, как вернулся, сразу забрал семью в Подтёсово. Дали комнату в бараке.

Отец работал на судоремонтном заводе в инструментальном цехе, а я на стройучастке. В Grimm никогда не ездил и желания такого не появлялось. Обиды никакой не осталось».

п. Подтёсово Енисейского района, 2010 г.

СООБЩЕНИЕ ШЕКК ЭРМЫ ХРИСТИАНОВНЫ

Шекк Эрма Христиановна (в девичестве Кепп) родилась 19 сентября 1942 года в деревне Широково. Сначала её звали Ирма, когда меняли документ, подтверждающий личность, сверяли со старым документом, а на нем стёрлось имя, и её зарегистрировали как Эрну, с новой заменой документа её записали как Эрму, это имя закрепилось по сей день.

Мать, Кепп Екатерина Андреевна, работала в колхозе разнорабочей, про отца респондентки неизвестно, она знает только то, что отец был трактористом. У семьи Кепп было большое хозяйство: коровы, свиньи, овцы, куры. Семья построила хороший деревянный дом в селе Кнанфельд Саратовской области, по словам матери Эрмы Христиановны, село было большим, и там была церковь – кирха. В семье было четыре ребёнка.

«ВЫ ЖЕ НЕ ПРЕДАДИТЕ НАС, ПОСЛУЖИТЕ РОДИНЕ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ И ВЕРНЁТЕСЬ ДОМОЙ»

К дому прибыла подвода, и семье объявили, что нужно уезжать, потому что наступают немцы – «фашисты», а на вопросы матери, вернёмся ли мы сюда и надолго ли все это, они отвечали: «Вы же не предадите нас, послужите Родине во время войны и вернётесь домой». В это время отец был на работе, там ему объявили это известие и отправили домой. Дома его ждали мать, трое детей и теща. «Когда отец пришёл домой, он успел только робу снять и пошёл провожать женщин и детей на подводы. Мужчины добирались до станции, до поезда пешком», – говорила мать Эрмы Христиановны. В дорогу мать респондентки взяла ведро котлет, 2–3 булки хлеба. Особенно тяжело было матери бросать скотину, одно из воспоминаний было таким: «Была корова, она много давала молока, когда нужно было уезжать, корова смотрела на меня и мычала. Я плакала и смотрела, удаляясь на подводе. Управляющий подводой сказал, чтобы я отвернулась и не рыдала, а если не перестану, то получу пулю в голову».

Дорога

Добирались до Сибири на подводах и поездах в телячьих вагонах. Телячий вагон – это не разделённый на купе вагон, спали там на нарах, на соломе и не было туалета. Туалет делали сами. Это было ведро, огороженное 3–4 сколоченными досками. В телящем вагоне находились женщины и мужчины одновременно, люди заражались кожными и инфекционными заболеваниями, царил антисанитария. В дороге умирали, покойников выбрасывали из вагона прямо на ходу. В дороге умерло два человека, рассказывала мать респондентки. Очень быстро передавался педикулёз. Чтобы избавиться от этой болезни, стриглись налысо, а по прибытии в село кипятили одежду, чтобы окончательно избавиться от

паразитов. Ели в пути что взяли с собой и каши, которыми кормили на станции.

Семья Шекк отправилась таким составом: мать, отец, две бабушки, сестра Эмма, брат Яша. Когда немцы приехали в Сибирь, люди смотрели на новых жителей деревни с интересом. Возбудителем их интереса были слухи о том, что у немцев были хвосты, гривы и рога.

В Широково

Семью отправили в деревню Широково, там их поселили в бараке за деревней, в нем одновременно жили семь семей сразу. Этот барак был раньше амбаром. Условия были ужасными, стен, разделяющих на комнаты, не было, одно общее помещение. Люди голодали, они меняли свои вещи, которые успели взять в родном доме, на продукты у местных жителей деревни. Мать Эрмы Христиановны рассказывала: «Были большие подушки, за одну подушку русские дали нам пятилитровое ведро картошки, примерно два килограмма муки. Мука была не чистая, с отрубями, но мы были рады и этому». Их семье помогала Карпова Вера, она немцев восприняла сразу хорошо. «Они такие же люди, только говорят на другом языке», – говорила баба Вера, как её по-простому называли ребятишки. Делилась своими продуктами и пряжей, которую сама пряла.

Родители получили работу: мама стала работать разносчицей в колхозе, а отец – трактористом. Отец долго на этой работе не работал, неделю всего, его забрали в трудовую армию в Казачинский район, где он заболел. Его увезли в больницу, где он скончался через три дня. Родственникам отправили повестку о смерти отца. А мать отправили на покос, целыми днями не было её дома. За детьми смотрела бабушка, это была мать отца респондентки. Дома голодали дети. Зная это, бригадир дал матери литр молока, чтобы

покормить детей. Только вместо хорошего молока ей дали отгон от него (отгон – это молоко, переработанное через сепаратор).

Чуть позже бабушка заболела и умерла. В это время Эрме Христиановне было 10 лет, она помнит, как хорони-ли бабушку. Люди жили так бедно, что не знали, в чем похоронить измученную болезнью покойницу. Мать сходила в больницу, где дали ей марлю. Она и бабушка Елизавета сшили халат для покойницы. Ночью мама своровала ящики, чтобы сделать из них гроб. Постелили в них газеты и положили бабушку. На быках её увезли.

ВОСПОМИНАНИЯ ДЕТСТВА

В школу ходили с весны по осень, причиной непосещаемости уроков в зимнее время года была нехватка одежды. Было время, когда одежды вообще не было, как говорится, «ходили, в чём мать родила». Эрма Христиановна вспоминает: «Мне соседи дали чёрный платок с белой каймой, мама из него сшила мне сорочку. Как-то отдали люди майку, и я её носила, застёгивала внизу булавкой (трусов-то у нее было), и так ходила». Из-за частых пропусков не удалось закончить ни одного класса, у нашей респондентки нет образования.

Мы попросили рассказать респондентку о её детских воспоминаниях. Она вспоминала, как её на Новый год угостили конфетой. Это было её счастливое мгновение детства. Помнит, как у них стояла елка и дети водили хоровод. Был случай, когда Эрма Христиановна очень испугалась, чуть не утонула. Респондентка рассказывает: «Летом я пошла купаться с подружками на речку рядом с баракom. Я нырнула, а следом моя подруга Галька Лыткина прямо на меня, помню, как тонула, вытащили девочки меня, не успела наглотаться воды».

ЗАХАРОВКА

Когда семья Шекк переехала жить в деревню Захаровку, Эрме Христиановне было 16 лет. Молодёжь в то время ходила в дом культуры попеть песни, потанцевать. Танцевали вальс, краковяк, польку. В 16 лет работать на предприятиях законом запрещалось, и молодые парни, девушки работали нелегально. А по приезде комиссии всех нелегальных молодых работников отправляли домой. В этом юном возрасте Эрма Христиановна уже работала на шпалозаводе, на пекарне. Там она и познакомилась с будущим мужем.

Это моя будущая жена!

«Знакомство было таким, – рассказала респондентка. – В обычный рабочий день я, как всегда, месила тесто, к нам на пекарню зашли парни, один из парней посмотрел в мою сторону сказал мальчишкам шутя: «Это моя будущая жена!» Я бросила в него тестом. Они посмеялись и ушли, так я впервые увидела своего будущего мужа». После того случая они стали общаться, гуляли, ходили на танцы. Молодого человека, будущего супруга респондентки, звали Юзов Юзовович Шекк. Когда вступили в брак, ей было 18 лет. Свадьба была бедной, у невесты не было особого праздничного платья. Как сказала Эрма Христиановна: «В чём работала, в том и замуж вышла». На праздничном столе была картошка, хлеб, мясо отварное. Гости приходили и приносили из дома на стол что могли, кто-то огурцы или напитки какие-нибудь. Пели русские песни, танцевали. Эрма Христиановна родила четверых детей – одну дочь и троих сыновей. Из Захаровки в 1969 году переехали в Галанино, где проживают по сей день.

Мы задали вопрос респондентке: «Что в вас осталось немецкого?» На что она ответила: «Во мне течёт немецкая

кровь!». Нас заинтересовали немецкие традиции и блюда. О традициях она нам не смогла ничего рассказать, так как родилась в самый разгар войны, и людям было не до соблюдения традиций, каждая семья пыталась выжить в это трудное для всей страны время. А о некоторых немецких народных блюдах она содержательно рассказала.

с. Галанино Казачинского района, 2017 г.

СООБЩЕНИЕ ШЕККА ЮЗЕФА ЮЗЕФОВИЧА

Шекк Ю.Ю. родился в 1939 году в Саратовской области, в деревне Визенмиллер Зельманского катона. Отец – Шекк Юлиус Фридрихович, мать – Шекель Эмма Федоровна. Мать работала в пекарне, отец работал на мельнице. У них было двое детей. Были свиньи, коровы, амбары, полные зерна, сад, бахча. Жили хорошо, в достатке. Большая часть села были немцы, в селе была кирха.

Известие о переселении было для них неожиданным. До места поселения они добирались сначала на подводах, потом в телячьих вагонах. Всё это наш респондент знает со слов матери, так как сам был маленький, ему было всего два года.

Папу, маму и двоих детей привезли в Даурский район под Красноярском (сейчас Балахтинский). С собой взяли вещи первой необходимости: подушки, одеяло, ребятишкам бе-

лье. Мясо залили жиром. Весь скот оставили, скот бегал по двору, орал. Все осталось тем, кто командовал подводами. Юзеф Юзефович вспоминает, что некоторые немцы уже в Сибири получили скотину взамен оставленной.

С жильем вроде было сносно. Все беды начались, когда отца забрали в трудармию. «А мама со своими родными (братьями и сестрами) поехали в Туруханский район. У матери нас на то время было двое детей. Отец был в трудармии на станции «Тайга». Отпустили отца в 1945 году. Там над ними, по словам дяди, тоже издевались: даже головой пихали одного мужика в очко туалета туда-сюда. (О папе: «Он пришел из трудармии в конце войны. Приехал оттуда, наелся и умер на другой день».)

Мама поехала на самый север – 20 километров от Туруханска, село называлось Якуты, колхоз «Комсомолец». Высадили на берег и сказали: «Тут будете жить». А было в деревне всего три дома. Барак один был и еще одна хозяйка местная была. Наступила зима, деваться некуда. Они в горе выкопали землянки и жили там. Мама работала в рыболовецкой артели. Зарплата была одни крошки, да еще приезжали и заставляли подписываться на облигации. На стол положат наган – как тут не подпишешься. Да и вдобавок еще и безграмотными были, не понимали ничего. Их потом (стоимость) вычитали, а денег нечего было получать. Это уже потом, в конце 50-х годов, – 10-15 рублей. От силы, самое большое, я помню – 30 рублей.

Работая с рыбой, мама не могла принести даже немного домой. Бригадир, парень лет восемнадцати, охранял нас с автоматом. Хотя бежать было некуда: летом река, зимой снег, мороз кругом. Если кто упадет без сил, он подойдет к ним и прикладом начнёт бить, чтоб поднимались. Рыбу надо было выбирать не меньше 10 сантиметров, а мелкую, если поймаешь, обратно бросали в реку или на берег, но ни крошки нельзя было взять. Бывало, если что кто-то пытался спрятать, то бригадир бил прикладом.

Во время войны мы были заморенными. Зимой мы просыпаемся – окна все замерзшие, заледенелые. Пальчиком так отцарапаешь, чтобы посмотреть. На улице ветер гуляет, страшно. (Когда отошёл в другую комнату наш респондент, его жена рассказала: «Юзеф рассказывал, что было так холодно: утром писька примерзала у него к полатам»).

Потом нас поселили в барак, в каждом углу 3 доски-нары, там и располагались семьями.

Летом мы, пацаны, выползали на поляны и грызли там всякую траву. Школа в поселке была. Сначала ребятишки относились к нам боязно. Было всякое – и обзывались, и лупили. Мы тоже не поддавались, но со временем все наладилось. За зиму мы выучили русский язык. Учительница была по фамилии Лебедева очень хорошая, она даже кормила нас на свои деньги. Школа была рядом, ходили туда даже зимой босиком, никакой обуви.

Бедно жили, нечего было кусать, есть, но в колхозе на Новый год однажды состряпали пряники и всем ребятишкам дали. После уроков играли в кости, в 12 палочек и другие. Санки сами делали из досочек.

Родители отмечались в комендатуре 1 раз в месяц, точнее, комендант приезжал в поселок. Нельзя было покидать село без разрешения.

А когда умрет человек, зароют его в снег до весны – как хоронить в вечной мерзлоте? Так и складывали штабелями, кучами.

После войны стало житья легче – раскорчевали землю, стали садить огороды. (Примечание: наш респондент утверждает, что выращивали картофель, овощи). Сменили председателя, привезли немца Вернера, он до переселения был прокурором, а здесь, в Якуты, стал председателем колхоза. При нём стали жить лучше: появилась и земля – раскорчевали. В колхозе всего 4 га земли было.

В то время там лучше росло, чем здесь. Турнепс сеяли скоту, он сладковатый был, из него варенье варили. А здесь

сколько раз пробовал – гниет на корню. Парили, жарили, варили его».

В ходе беседы с нашим респондентом зашёл разговор и о Сталине. Традиционно мы спросили о дне смерти Сталина – 5 марта 1953 года. «День как день, – говорит Ю.Ю. – Линейка была, все плакали: и взрослые, и ребятишки. Но как руководителя я лучше никого не нашёл. Он войну выиграл – а это большая честь. Нет, я на него не обижаюсь. Я сколько руководителей видел, не поощряю ни одного. Как Сталин умер, с тех пор все наценки и наценки. А при Сталине каждый год люди радовались, каждый год дешевле и дешевле. Он как умер, так наценки каждый год».

Отношение к депортации родителей Ю.Ю. было таким: они не возмущались, каждый человек понимал, что война идёт, что так надо. Говорили, что ненадолго.

«В 1956 году мы выехали в Казачинский район в село Захаровку Казачинского района, там сестра матери жила. На Волгу, в родные края, ездил мой дядя. Его даже не пустили в родной дом. Из-за этого много убийств, говорят, даже было, но как-то мы особо не общаемся. Родственники у нас в Германии есть. Но куда я уеду: тут мать заболела, дети начали подрастать... Стаж трудовой 40 лет. Уже про Волгу забыли».

Сегодня в семье Шекк – полный интернационал, считают супруги Шекк: у дочери муж русский, у сына жена немка, у двух других – украинка и поляка. «Какие черты, на ваш взгляд, присущи вашей нации, т.е. немцам?» – спросили мы у Ю.Ю. «Наверное, работающие, культурные, законопослушные, чистые. Но это условно все. Нет плохих или хороших наций!»

с. Галанино Казачинского района, 2016 г.

СООБЩЕНИЕ ШЛЕЙНИНГА АЛЕКСАНДРА ЯКОВЛЕВИЧА

Семья Шлейнингов жила в Поволжье, в Энгельском районе Саратовской области. В 10–15 км от их деревни были русские деревни. В семье было три брата. Мать – Екатерина Филипповна, отец умер еще в Поволжье. Еще была бабушка – 99 лет.

В сентябре 1941 г. их депортировали. Деревню окружили солдаты с винтовками, объявили сутки на сборы. Скот отводили в школьную ограду, там выдавали расписку о сданном. Обещали выдать на месте поселения такой же скот. Действительно, выдали в Красноярском крае, но корова оказалась бракованная, текла кровью, но хоть немного, но давала молока.

Всё, что взяли с собой, погрузили на телеги, и на верблюдах, быках, лошадях повезли до узкоколейки. Вещей взяли

немного. Везли в телячьих вагонах. В вагоне главное было – найти угол. Когда ехали в поезде, никто не умер. Мама взяла ведро котлет (зарезали быка), сверху налила жиру, и котлеты не портились. Ехали неделю.

В Галанино их привезли в сентябре. Выгрузили 40–50 семей. Следующую партию выгрузили в Зотино. Уже пробрасывал снежок, это было необычно для тех, кто всю жизнь прожил на Волге. Плакали, задавались вопросом: куда нас привезли? Местные брали их по домам. Семью Шлейнинг взяла вдова (муж погиб на фронте), но похоронка оказалась ошибкой, после войны муж вернулся.

Зиму перезимовали, потом стали рыть землянки. Материала было полно. Старшего брата сразу забрали в трудармию, среднего отправили на курсы трактористов (для трудармии он был слишком молод). Дядю тоже отправили в трудармию, и его там убили: подсунули под подушку булку хлеба, заключенные стали делать обыск и нашли, а дядю забили до смерти.

Года три-четыре была надежда, что, возможно, их заберут и отправят обратно, но потом стало ясно, что этого не произойдёт. В 1949 г. их перевели в Момотово. Там мать работала в колхозе, вручную косила пшеницу. Она была хорошей работницей, и ей добавляли 5 кг овсяных отрубей в неделю, из которых варили кисель. Он казался таким вкусным (наверное, потому что были голодными). Хлеба не давали: был закон, что ты должен 80–100 дней в году работать в колхозе, а на трудодни давали 300 граммов зерна. Колхоз восстанавливался, поэтому давали мало.

Мать работала еще у местных жителей – сеяли лён, коноплю, вили верёвки, ткали на станках, шили холщовые рубашки. С Поволжья привезли двухгиревые большие часы, променяли их на еду. Взамен дали очень мало, мать плакала.

Носить было нечего, и Александр Яковлевич в апреле бегал босиком в школу. В навоз вставал и грелся – ноги

от холода горели огнём. За пять минут добегал. Тетрадок не было, писали на бланках, которые были в колхозе. Кое-как закончил два класса, мать не настаивала на продолжении учёбы, т.к. условия были плохие. Учился потом в ФЗУ, там давали обмундирование, питание. 33 года работал слесарем.

Мать умерла в Момотово в 1958 году от цирроза печени.

Два брата после перестройки уехали в Германию, они там уже умерли. А.Я. ездил в гости, его звали перебраться, но он не поехал.

Женился на немке с Поволжья, девичья фамилия Гаун. В данный момент 5 детей, 12 внуков, 7 правнучек, 1 правнук.

с. Момотово Казачинского района, 2009 г.

СООБЩЕНИЕ ШНАЙДЕРА ЯКОВА ЯКОВЛЕВИЧА

Шнайдер Яков Яковлевич родился в 1928 году в селе Гримм. Его отец – тоже Яков Яковлевич (в семье была традиция называть младших сыновей именем отца) был женат на своей однофамилице Елизавете Карловне Шнайдер. Семья (родители, 3 сестры и 3 брата) жила в большом доме с 4 гектарами земли, садом и относительно небольшим хозяйством, состоявшим из 2 коров, нескольких свиней и овец. Яков Яковлевич (сын) успел закончить 4 класса, когда по радио объявили о предстоящей депортации и дали неделю на подготовку к дороге в Сибирь. Якову Яковлевичу в это время было 13 лет.

Ехали сначала на грузовиках, а потом на барже до Саратова. Семья сдала всё хозяйство (за него выдали справки). Только оставили свиней, их закололи, мясо залили жиром. «Что-то из одежды, какие-то вещи... погрузились в поезд – и в Сибирь». В вагонах спали прямо на ящиках, зато хорошо питались (в основном – мясной суп). В составе поезда был целый вагон охраны (конвоя). Туалетов в поезде не было, так что ехали с оста-

новками, сначала до Красноярска, где получили сухпаёк (рыбу и хлеб), потом по воде на пароходе в Енисейск.

По прибытии в Енисейск (19 сентября) Семейю Шнайдер вместе с другими поволжцами направили в колхоз «Заря коммунизма» (с. Мариловцево). Председатель этого колхоза Кучин очень по-человечески, тепло встретил переселенцев. Отдал им свою просторную квартиру, сам перебрался в ту, что поменьше, и даже снабдил семью на первое время картошкой. Вместо сданных ещё в Гримме коров им выдали новых, а овец здесь не разводили, так что просто дали деньги. Так потекли сельские будни. Боронили в колхозе на коровах, косили, жали, сеяли – всё вручную, в колхозе не доставало техники. Только году в 46 Яков Яковлевич, выучившись на тракториста, получил газогенераторный трактор, работающий на дровах. Примерно в это время у него умирает мать и появляется мачеха. Это отдаляет семнадцатилетнего парня от семьи, и он влюбляется в русскую девушку.

Анне в это время было уже восемнадцать, она жила в отдельной квартире абсолютно самостоятельно. Проигнорировав несогласие родителей, Яков Яковлевич пришёл к ней в гости и остался навсегда. Поженились. У них родилось семеро детей. В 1950 году Яков Яковлевич получил новый трактор – ДТ-54, а в 55-ом его избрали бригадиром. После 30 лет добросовестной работы, получив 4 награды, Яков Яковлевич отправился на пенсию, но не стал сидеть сложа руки, пошёл подрабатывать на мельницу. Постепенно хозяйство в Мариловцево развалилось, и теперь они с женой живут в Енисейске. В Германию, в отличие от своих родственников, не поехал – ведь жена у него русская и дети... Яков Яковлевич так и говорит: «Какой я немец? У меня жена русская, дети русские, значит и я русский». На жизнь мой респондент не жалуется, а о прошлом говорит так: «Что поделаешь, всем было трудно, и русским местным, тоже ведь голодали... Время такое было». Обиды, горечи, общаясь с Я.Я., я не почувствовала. Он очень позитивный человек.

г. Енисейск, 2013 г.

СООБЩЕНИЕ ШПОМЕРА АЛЕКСАНДРА ЯКОВЛЕВИЧА

Шпомер Александр Яковлевич родился в 1929 году 14 октября в с. Новозбазик Экенского района Саратовской области. Его мама, Шпомер Екатерина Филипповна (19 сентября 1889 г.), отец, Шпомер Яков Федорович (1 мая 1879 г.), работали на плантации в колхозе (выращивали овощи). В семье помимо Александра Яковлевича было еще 9 детей: Федор (1911 г.), Эмилия (1915 г.), Мария (1915 г.), Альбина (1919 г.), Клара (1921 г.), Эльза (1923 г.), Яков (1925 г.), Мила (1927 г.), Лида (1932 г.).

До депортации жили не бедно в большом кирпичном доме 10х8 м. Имели большое хозяйство (коровы, свиньи, индюки, гуси), также в собственности было 20 соток земли. В последние годы ничего не сажали, т.к. родители работали в колхозе.

Из своего детства в Поволжье А.Я. помнит немного. Помнит лишь то, как ходил на рыбалку, а осенью помогал матери. Летом почти не видел своих родителей, они оставляли толь-

ко записки, в которых указывали на то, где вещи, которые им надеть, и что нужно сделать. «Хороший пакостный момент, – вспоминает наш респондент, – был в том, что в большой бочке лежали арбузы, и мы их таскали. А для того чтобы понять, спелый арбуз или нет, мы вырезали дырочку, и если арбуз был не спелый, мы затыкали ее обратно. И все это продолжалось до тех пор, пока отец нас не спалил».

Им очень трудно приходилось бить масло из подсолнуха, потому что мельница находилась в 5 км от них.

О том, что они будут депортированы, узнали 1 сентября. Когда пришли в школу, директор школы сказал: «Учиться не будем, можете идти домой, т.к. нужно собираться в дальнюю дорогу». Отнеслись к известию спокойно: «Надо, так надо». И с 1 по 5 сентября они начали собираться. Брали самое необходимое: сапожный инструмент, вещи, посуду и еду (зарезали свинью, настряпали булок). 5 сентября 1941 г. вся семья была выслана в с. Галанино Казачинского района. Уезжая, они оставили крепкое крестьянское хозяйство, которое создавалось не один год.

Перевозили их на поезде до Красноярска. На больших остановках кормили горячей едой, хватало всем. В вагонах были как мужчины, так и женщины. Так как остановки были длительными – 2-3 дня, люди могли спокойно помыться. Потом в Красноярске их пересадили на баржу и довезли до с. Галанино.

По приезду им выделили сразу дом и по справке вернули часть хозяйства и зерна. На тот момент в Галанино было 60 дворов. Местные жители отнеслись к ним очень хорошо. Настолько хорошо, что соседка разрешила посадить на ее земле немного овощей. Каждый пошел работать в колхоз по своей специальности. Село им понравилось, кругом был лес. Из всех, кого сослали, был только один случай, когда две семьи поселили в одну квартиру. Проблем со школой не было. Несмотря на то, что он закончил 4 класса в своем городе, в 1944 году он пошел в школу и закончил 4 и 5 класс. В 1951 году А.Я. пошел работать в кузнецу. В 1960 году поехал учиться на водителя.

Трудности в общении не было, т.к. часть немцев говорила на русском, часть русских говорила на немецком, в целом понимали друг друга.

К сожалению, А.Я. мало знает про трудармию, только по рассказам брата, который был отправлен в Кемеровскую область. В своих письмах он писал о том, что он сплавляет лес. Если вырабатывали дневную норму, то получали паек хлеба по 800 граммов. Если вырабатывали норму меньше, то хлеб выдавали за то, сколько выполнили работы. Жили мужчины и женщины в разных бараках. Одевались в обыкновенные спецовки, которые выдавали там же. Его письма не всегда приходили на чистом белом листе: из-за нехватки бумаги приходилось даже писать на газетах. Перед отправкой письма из трудармии оно обязательно проходило цензуру. Ни туда, ни оттуда нельзя было отправлять посылки. Да даже если можно было, то отправлять все равно было нечего.

В первое время комендантом был Меняев, который не особо обращал на них внимание, спустя какое-то время на смену ему пришел Глушков, который был очень хорошим человеком. Если кому-то надо было отъехать, он отпускал без проблем. От местного населения отличались незначительно, одевались все одинаково, вещи шили себе сами из мешков. Дружили все, ходили в клуб, танцевали разные танцы (полька, вальс). Фильмов не было изначально. Лишь в 1946 году привезли первый немой фильм, билет на который стоил 5 копеек.

В 1956 г. все были сняты со спецпоселения. После этого их жизнь никак не изменилась, хотя каждый из них мог свободно выбрать место жительства. Он не ездил к себе на родину и не знает, что там изменилось и что осталось.

На сегодняшний момент А.Я. не поменял своего мнения и продолжает считать так же, как и прежде: «Раз надо, так надо». Про себя А.Я. говорит: «Во мне нет ничего немецкого, я – сибирик»...

с. Вороковка Казачинского района, 2013 г.

СООБЩЕНИЕ ШУВАЕВОЙ ИРМЫ ЛЕОНИДОВНЫ

Шуваева Ирма Леонидовна родилась 16 сентября 1935 г. в Поволжье, в с. Гримм Красноармейского р-на Саратовской области. Семья: отец Гелингер Леонид Климентьевич, мать Гелингер Екатерина Яковлевна, братья – Климентий, Аркадий, Владимир, Дмитрий (родился после депортации), бабушка.

Все они были депортированы в конце лета 1941 г. Вместе с ними депортировали тётю Ирмы Леонидовны, мужа которой в 1937 г. забрали, увезли ночью. Осталось четверо детей (Иосиф, Иван, Серафим, Роман). Во время депортации Ирме Леонидовне было 6 лет.

Семья имела средний достаток. Хозяйство: свиньи, овцы, небольшой дом, приусадебный участок. Леонид Климентьевич был образованным человеком, работал в финансовом отделе, коммунист; Екатерина Яковлевна – заведующей детским садом.

Семья Гелингер была заранее предупреждена о возможной депортации. Но за ними приехали неожиданно днём. Дали время на сборы. Взяли то, что смогли (одежду, постельное бельё, немного еды, швейную машину, ковры). Также взяли собаку и кошку. Тётя даже успела сдать корову. По выданному ей документу по прибытии в с. Еркалово она получила новую корову.

На машине довели до Волги. Пересадили на пароход, затем на поезд. На поезде ехали более месяца до г. Красноярска. Раза три пересаживались с одного поезда на другой.

Поезд иногда останавливался, слышалась команда «кипятки». Это означало, что будут кормить. Утром давали чай, в обед – пригоревшую пшенную кашу или суп. Конвойных было мало. Изредка конвойные закрывали все окна и двери. На вопрос: «Зачем?» – отвечали: «Едем через тоннель». С умершими во время пути людьми поступали следующим образом: останавливались около какой-нибудь заброшенной избушки, одевали покойников, накрывали тряпками, оставляли за избушкой.

Из Красноярска на пароходе довели до Енисейска, высадили возле дебаркадера. Оставили ждать на берегу. Через сутки пришла лодка (карбуз). Около семи семей переселенцев были переправлены на другой берег Енисея. Их встретили на лошадях, перевезли в д. Еркалово. Был сентябрь 1941 г.

Изначально всех поселили в клуб, затем расселили по домам (по 2–3 семьи). Многочисленную семью Гелингер (11 человек) поселили в отдельный дом. Позже появилась собственная избушка: обменяли на 5–6 портретов Калинина, Ворошилова и других государственных лиц, привезенных с Родины. Постепенно все привезенные с собой вещи променяли на картофель, соль, масло (за новый ковер можно было получить два ведра картофеля). На соль и масло променяли собаку, а кошка сбежала еще на станции. Осталась только швейная машинка.

Леонид Климентьевич с сыновьями, в основном, работали в колхозе и на заимке. Позднее отца приняли на работу в контору. Работали за трудодни. На один трудодень давали чашку муки. Из неё бабушка варила баланду.

Отца и старших братьев в 1942 г. забрали в трудовую армию. Леонид Климентьевич работал в Решотах на лесоповале, был бригадиром. Тётю отправили в Нижний Тагил. Её детей хотели отправить в детский дом, но оставили на попечение матери Иры Леонидовны. В это время семье Гелингер

пришлось тяжело. В колхозе их обделили, практически ничего не давали за работу. Семья голодала. Ирма Леонидовна вспоминает, как они жарили кожуру от картофеля, которую им просовывала через щели в ограде соседская девочка из зажиточной семьи тайком от родителей. Отец И.А. пришёл на побывку. Его попросили помочь в конторе. Он поднял документы за последние несколько лет. Семье Гелингер сразу же выдали 3 куля пшеницы, 2 куля ржи, 3 куля овса.

Местное население относилось к переселенцам враждебно, даже брезгливо. Возникали проблемы в общении с русскими, потому что русский язык знала только бабушка и немного отец. Из-за незнания русского языка И.Л. осталась неграмотной: её просто не приняли в школу. Начала работать с шести лет. Пилила и колола дрова вместе с братом Романом, с 11 лет работала в колхозе наравне со взрослыми.

Первую зиму прожили без теплой одежды. Мужчины ходили в пиджаках и калошах, дети сидели дома. Позже мать стала шить бурки на швейной машине.

Отмечались в комендатуре 1 раз в месяц. Переселенцы не имели права выезда из деревни, комендант в деревню приезжал сам.

После снятия со спецпоселения И.Л. вышла замуж за Геннадия (Генриха) Васильевича Шуваева. Уехала в Зырянку в 1964 г.

с. Потапово Енисейского района, 2005 г.

СООБЩЕНИЕ ЯКОБИ МАРИИ ИОГАННЕСОВНЫ

Мария Иоганнесовна Якоби (Браун) родилась 26 марта 1929 г. в многодетной немецкой семье в селе Кнадельфельд Энгельского района Саратовской области. В этом селе повсюду звучала только немецкая речь: дома, на улице и даже в школе. Жили в большом просторном доме, огород не сажали, так как в селе был организован колхоз, и родители работали там за трудодни. Из домашних животных были корова, свинья и куры.

Мария Иоганнесовна была третьим ребенком из семи, была веселой, шустрой и работающей. Уже в 12 лет работала в колхозе на прополке сорняков. Она закончила 4 класса местной школы, в которой русский язык преподавался только раз в неделю.

28 августа 1941 г. вышел указ о массовой депортации немецкого народа Поволжья. Этот год стал для семьи Браун, как и для других семей, переломным. Никто из местных жителей не стал возражать, считали, что если надо, значит надо. На сборы дали всего три дня. Брали с собой все самое необходимое: документы, вещи, продукты питания. Все население деревни на станции Липиниха посадили в товарный поезд и отправили в Красноярск. В пути были около месяца. За это время многие семьи были распределены по разным населенным пунктам. На станциях, где останавливался поезд, местные жители приносили продукты питания и отдавали тем, кто отправлялся дальше. Условий для того, чтобы помыться, не было. Когда приехали в Красноярск, семью Браун (как и оставшиеся семьи) пересадили на баржи и отправили до Галанино.

Судьба распорядилась так, что все жители поволжской немецкой деревни Кнадельфельд оказались за тысячи километров от родного дома, в Казачинском районе. В Галанино председатели колхозов набрали себе столько людей, сколько могли в своих деревнях разместить. Семья Браун попала в Рождественское. Переселенцев заселяли по 2–3 семьи в один дом. Потом со временем давали дома либо участок земли, на котором строили дома.

Старшая сестра работала в Галанино на сплаве леса. В феврале 1942 года ее забрали в трудармию в Бурятию, а через год забрали и отца. Вернулись они в 1953. Все это время семья вела с ними переписку, иногда отправляла посылки.

Уже в Рождественском в 1944 году родилась восьмая сестренка. Родители работали в колхозе имени Кирова, а вместе с ними и Мария. Рождественцы оказались добродушными людьми и поддерживали переселенцев как могли. Жил в то время в Рождественском Абрам Данилович Деньгин, так он все хвалил ребятишек семьи Браун и говорил, что они

работают, пока не упадут. До двадцати лет Мария проработала в колхозе на разных работах. А после трудолюбивую и ответственную девушку перевели работать на ферму, где она ходила за овцами, а затем дояркой. А с 1962 года и до самой пенсии она трудилась на свиноферме. На заслуженный отдых Мария ушла в 1984 году. Но некому было в колхозе ухаживать за телятами. И председатель Анатолий Александрович Варыгин попросил новоиспеченную пенсионерку поработать телятницей. Естественно, отказать она не могла и еще некоторое время трудилась в телятнике.

У Марии большое количество почетных грамот и дипломов. Ей присвоено почетное звание «Мастер животноводства». В 80-е годы Мария Иоганнесовна Якоби была поощрена путевкой в Ленинград. О ней, как о замечательной труженице, часто писали в районной газете. Свою первую грамоту она получила еще при Сталине. Да отдала ее ребятишкам поиграть. Ну, они ее и порвали. А остальные сохранила.

В 1950 году Мария вышла замуж за Федора Якоби. Он был родом из той же немецкой деревни, что и девушка. В 1951 году в молодой семье родился первенец Александр, а через два года на свет появилась дочка Маша. В 1957 году уже в новом доме родилась Ирма.

26 марта Марии Иоганнесовне исполнилось 85 лет. Мария Иоганнесовна Якоби сроду не знала городской жизни: все 85 лет прожила в деревне. Из них 73 года в Рождественском. Когда немцам разрешили покидать места спецпоселений, семья Якоби и не думала уезжать из села. Рождественское стало для них второй Родиной.

с. Рождественское Казачинского района, 2014 г.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	3
Сообщение Абих Эммы Филипповны	7
Сообщение Адольф Екатерины Георгиевны	12
Сообщение Арндта Федора Давидовича	16
Сообщение Булах Марии Семёновны	19
Сообщение Бухгаммер Марии-Екатерины Фридриховны	25
Сообщение Вагнера Эммануила Христиановича	27
Сообщение Вельш Тамары Конрадовны	29
Сообщение Виттман Анны Яковлевны-Христиановны	32
Сообщение Вольфа Александра Кондратьевича	35
Сообщение Гартунг Марии Самойловны	40
Сообщение Гельгорн Эллы Адамовны	47
Сообщение Гельрот Анны Петровны	49
Сообщение Гельценлихтера Иосифа Иосифовича	51
Сообщение Гентер Эммы Готфридовны	55
Сообщение Гетерих Луизы Эдуардовны	62
Сообщение Гисвайна Александра Августовича	69
Сообщение Говеллер Марии Августовны	75
Сообщение Городецкой Эммы Яковлевны	80
Сообщение Графеевой Эммы Александровны	83
Сообщение Громовой Эллы Готлибовны	93
Сообщение Дамер Клары Ивановны	98
Сообщение Кузнецовой Эльвиры Константиновны	102
Сообщение Ждановой Надежды Александровны	105
Сообщение Ивановой Марии Петровны	107
Сообщение Кайзера Александра Генриховича	114
Сообщение Кайзер Линды Готтфридовны	117
Сообщение Киль Марии Кондратьевны	120
Сообщение Костюковой Эрны Яковлевны	122

Содержание

Сообщение Роллера Готлиба Готлибовича	125
Сообщение Соколовой Ирмы Федоровны	128
Сообщение Трайзе Эвальда Яковлевича	130
Сообщение Фецер Ирмы Генриховны	146
Сообщение Циммермана Карла Федоровича	150
Сообщение Шекк Эрмы Христиановны	153
Сообщение Шекка Юзефа Юзефовича	159
Сообщение Шлейнинга Александра Яковлевича	163
Сообщение Шнайдера Якова Яковлевича	166
Сообщение Шпомера Александра Яковлевича	168
Сообщение Шуваевой Ирмы Леонидовны	171
Сообщение Якоби Марии Иоганнесовны	174

ЕНИСЕЙСКИЕ НЕМЦЫ

Семейные истории

Редактор Н.А. Агафонова
Корректор А.П. Малахова
Верстка В.Ю. Васильева

Дизайн-проект сборника А.Б.Семёнова, преподаватель
ХГО Енисейского педагогического колледжа

Рисунок обложки Ускова А, студентка 2 курса
ХГО Енисейского педагогического колледжа

Подписано в печать 07.02.2018. Формат 60х84 1/16.
Усл. печ. л. 11,25. Тираж 200 экз. Заказ 01-003

Отпечатано в типографии ИП Азарова Н.Н.,
Красноярск, ул. Гладкова, 6,
т. 295-03-40

